

Житель Абрамцева Сергей Тимофеевич Аксаков написал книгу «Детские годы Вагрова-внука».

Долголетняя обитательница здешних мест, народная артистка республики, Гликерия Николаевна Федотова создала незабываемые образы Ларисы, Кручининой, Катерины и принимала деятельное участие в делах самодеятельного Абрамцевского театра.

И вполне естественно, что аборигены Абрамцева вспоминают их имена с большим уважением.

Иван Матвеевич Тарасов, к сожалению, не обладает даром сочинительства. Единственное, на что он способен, — составить грамотную заявку на стройматериалы.

Жестокая природа не наделила Александрю Андриановну Тарасову талантом актрисы. Самое большее, что она может сделать для процветания искусства театра, — купить билет в партер и съесть пирожное в театральном буфете.

А тем не менее И. М. и А. А. Тарасовы поселились в Абрамцеве и страстно возжелали почта и уважения, которыми пользовались люди, жившие тут до них. И супруги стали думать, как достичь желаемого.

Возможно, честолюбивые намерения Тарасовых так бы и не осуществились и их имена сохранились для потомства лишь в виде скромных записей скромного агента, собирающего страховку, если бы...

Да, все дело решили музейные таблички. Осматривая Абрамцевский мемориальный

музей АН СССР, супруги Тарасовы обратили внимание на две из них: «Изразцовая печь и лежанка. Эскизы М. А. Врубеля» и «Избушка на куриных ножках. Построена по рисунку В. М. Васнецова».

— Какое убожество! — воскликнул Иван Матвеевич.

— Какая ограниченность! — поддержала Александра Андриановна.

Супруги тут же решили утереть нос Врубелю и дать сто очков вперед Васнецову.

И соорудили не какую-то жалкую лежанку, не избушку на куриных ножках, а гасиенду, кастиллию, палаццо. Вот основные данные этого сооружения: два этажа, двести метров жилой площади, железная крыша, увенчанная куполообразной башенкой, застекленные веранды, паровое отопление, электричество и газ. Плюс полгектара земли, на которой размещено двести деревьев и кустов семечковых, косточковых и прочих ягодных культур.

Но сооружение, в которое Иван Матвеевич вложил весь свой многолетний опыт работы на ниве материально-технического снабжения, а Александра Андриановна — умение массовика-организатора, проходим почему-то не нравилось. Иначе говоря, гасиенда на улице Жуковского не произвела того впечатления, на которое рассчитывали ее творцы.

А между тем почта хотелось. И уважения тоже. Больше того: душа жаждала культа. Хоть малогабаритного, но культа.

Андрей ВНУКОВ

ДЕРГАЧ ИЗ УПРАВЛЕНИЯ

Иван Иванович Дергач
Следит с утра до вечера,
Чтоб с выполнением задач
Всё было обеспечено...

— Алло! Колхоз «Передовик»!
Дергач из управления...
Ну, что с уборкой яровых!
Плевать на ваше мнение!
Чтоб за день всё под корень снять!
При чем тут созревание!
И всё! Извольте выполнять
Прямое указание!

— Эй, птицеферма! Как дела!
Дергач из управления...
Тут установочка была
Ускорить вылупление.
Пора с яиц несущек снять...
При чем тут созревание!
И всё! Извольте выполнять
Прямое указание!

— Алло! Супруга! Это я,
Дергач из управления...
Сварила щи!.. Опять твоя
Теория кипения!
Готовы, не готовы — снять!
При чем тут закипание!
И всё! Извольте выполнять
Прямое указание!

Порой командует такой
Дергач из управления,
Имея трубку под рукой
И мнение — сомнение.
Готов он всюду применять
Прямое указание:
Что снять... где снять... откуда снять...

А может быть, его и снять
За лишнее старание!

— Не могли бы вы одолжить нам колокол: квартал кончается...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Вот тогда-то, а именно 20 февраля 1964 года, и появился этот документ:

«В Абрамцевский поселковый Совет депутатов трудящихся от супругов Тарасовых Ивана Матвеевича и Александры Андриановны.

Заявление

Учитывая, что поселковый Совет нуждается в помещении под детский сад и желая помочь совету, мы, супруги Тарасовы И. М. и А. А., дарим под детский сад поссовета принадлежащую нам дачу».

Надо отдать должное Ивану Матвеевичу и Александре Андриановне: они очень верно учли потребности поселка. Конечно же, в данный момент Абрамцево остро нуждалось не столько в изразцовой печи и избушке на курьих ножках, сколько в помещении для детей. Потому что в существующем детском садике малыши живут тесно, им негде поиграть, а окружающая помещенная территория не напоминает сад даже в отдаленной степени. Короче говоря, прочь эту тесноту и неустроенность! Пусть дети резвятся на просторных верандах, пусть полной грудью вдыхают ароматы цветущего сада!

— И поминают добрым словом дедушку Ивана,— промолвил И. М. Тарасов.

— Не забывая и о бабушке Александре,— добавила А. А. Тарасова.

Так родился один из тех благородных поступков, о которых принято сообщать в вечерних газетах. Так был обойден на полкорпуса Врубель и оставлен далеко позади

Васнецов. И впереди уже замаячила привлекательная табличка: .

«АБРАМЦЕВСКИЙ ДЕТСКИЙ САД ИМЕНИ СУПРУГОВ И. М. И А. А. ТАРАСОВЫХ»

Но нет же, не появилась такая табличка! И ни одна газета не упомянула о благородстве супругов Тарасовых. Потому что благородство это — особого рода.

Признаюсь, заявление Тарасовых я процитировал не полностью. Конец этого документа звучит так: «...дарим под детский сад принадлежащую нам дачу... с выплатой нам только страховой стоимости — 5 тысяч рублей».

Удивились члены исполкома столь дорогому подарку, почесали в затылках... Но что поделаешь — помещение детям необходимо! И пять тысяч рублей со счета исполкома перекочевали на личный счет супругов.

Каюсь, я не упомянул о другой существенной детали: супруги Тарасовы потребовали, чтобы их возвели в ранг почетных граждан Абрамцева, а на фасаде гасиенды прибили в их честь мемориальную доску.

Еще больше поразилась депутаты Совета. Думали долго и... 26 июля 1964 года на очередной сессии занесли граждан Тарасовых Ивана Матвеевича и Александру Андриановну в книгу почета. Исполком поссовета пошел еще дальше и решил: быть мемориальной табличке!

Казалось бы, теперь все в порядке.

Но ключи от гасиенды пока находятся в руках ее прежних владельцев, а самые юные граждане Абрамцева, как и раньше, спят на раскладушках в столовой детского сада...

Тщетно депутаты поселкового Совета зывают к гражданским чувствам Ивана Матвеевича и Александры Андриановны: они не хотят выпускать ключей из своих рук. Став почетными гражданами Абрамцева, супруги Тарасовы взглянули на нужды поселка иными глазами.

— Когда нас заносили в книгу почета, выступили всего два человека,— сетует И. М. Тарасов.

— А букет цветов, который нам преподнесли, напоминал банный веник,— негодует А. А. Тарасова.

Выходит, что тщеславие супругов полностью не удовлетворено.

В прославленном поселке Абрамцево, где жил Аксаков и творил Врубель, золотая осень. Благоухают ароматом спелых плодов молодые сады, сияют багряной листвою вековые рощи. Но хмуры лица депутатов и активистов поселкового Совета. Им стыдно за Тарасовых — людей почтенных, имеющих заслуги, но полностью утративших чувство скромности.

Тарасовы решили, что их благородство оценено слишком низко, и теперь капризничают и выкаблучивают, как внезапно разбогатевшие купчики.

— Не хотим иметь никаких дел с поселковым Советом! — говорит Иван Матвеевич.

— Там ужасно несимпатичные люди! — добавляет Александра Андриановна.

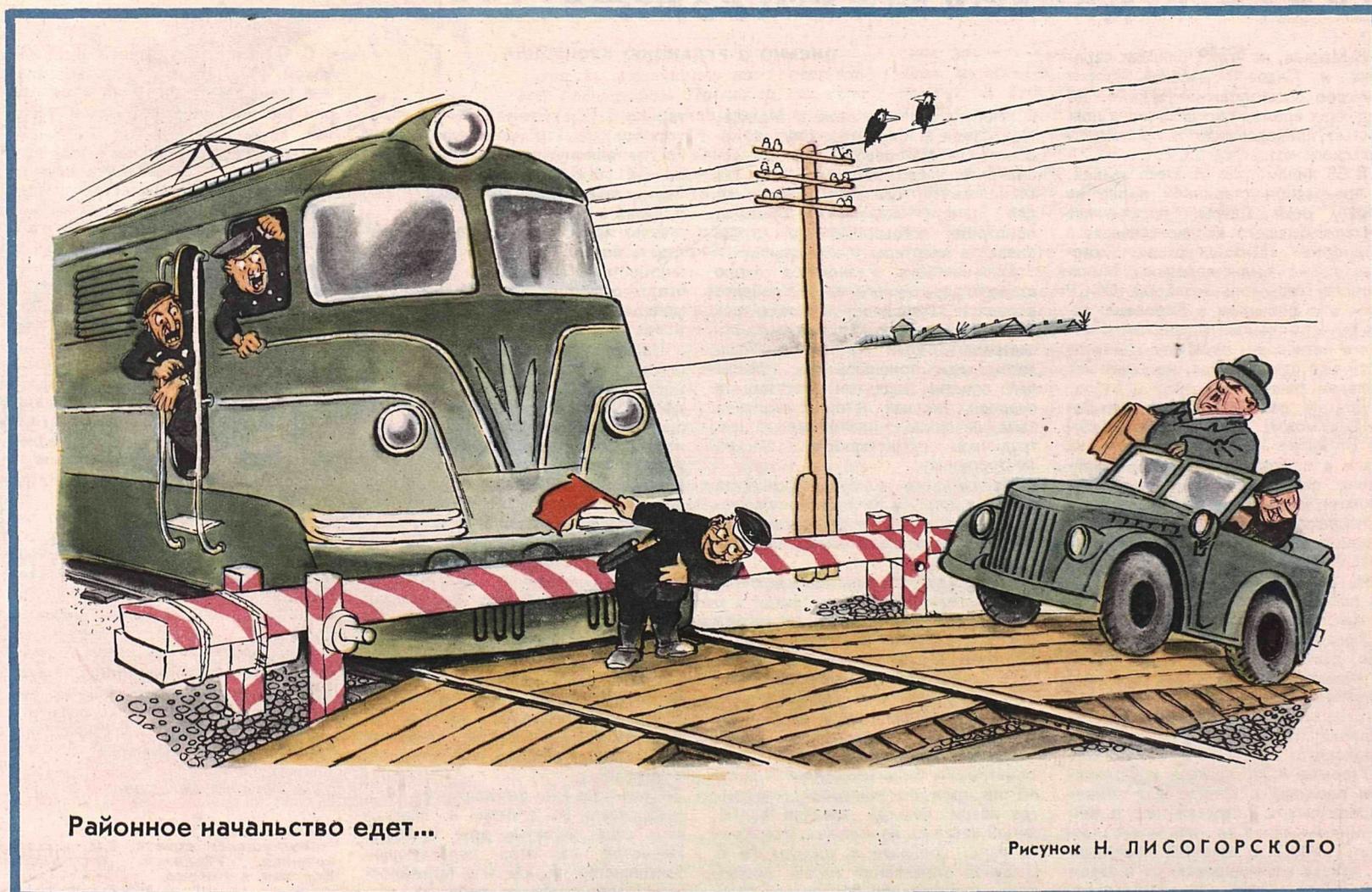
По слухам, Тарасовы сейчас вступили в альянс с профкомом одного местного предприятия и намерены передать гасиенду в его руки. За ту же страховую стоимость, разумеется. И за соответствующие почести.

Правда, вопрос о почестях окончательно не решен. Обговаривается процедура, уточняются детали.

Хорошо бы, например, установить в помещении профкома амфору с благовонными веществами. И перед каждым заседанием в течение пяти минут курить фициам.

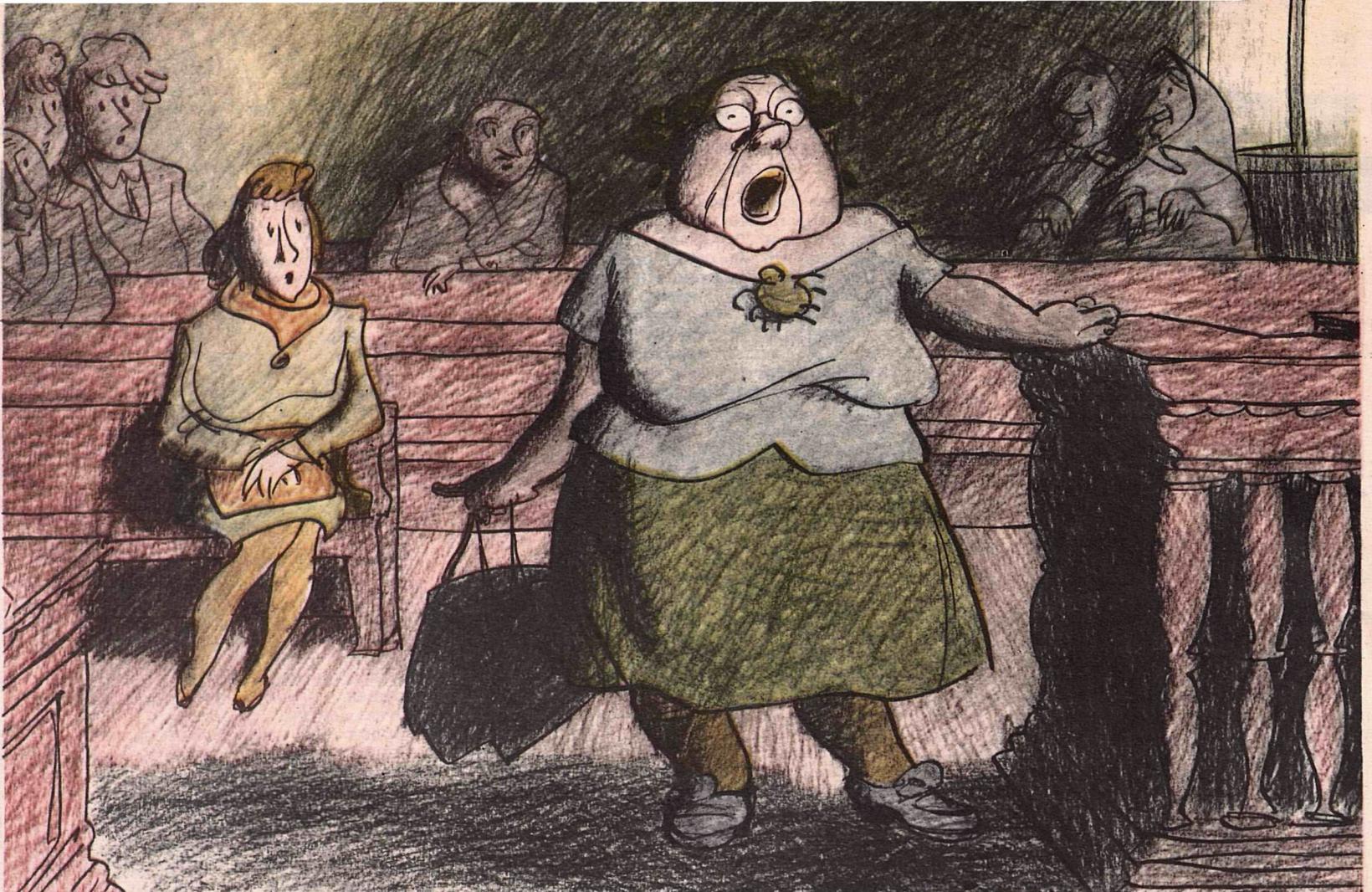
Конечно же, не в честь председателя и его боевых заместителей. А именно в честь Ивана Матвеевича и Александры Андриановны Тарасовых, которые хоть и прожили долгую жизнь, но так и не уразумели, что почет и уважение в нашей стране не продаются и не покупаются.

М. СЕМЕНОВ

Районное начальство едет...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Обещаю жить в мире с моей соседкой. Слова больше не скажу об этой дряни!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПОНЕВОЛЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ КРОКОДИЛА

В Москве, на углу Орликова переулка и Садовой-Спасской, стоит большое восьмизэтажное здание. До недавних времен оно целиком и полностью принадлежало Министерству сельского хозяйства СССР.

В 56 километрах от этого здания, в прекрасном старинном парке на берегу реки Пахры, раскинулись корпуса бывшего кардиологического санатория «Михайловское», которые позже были переданы Министерству сельского хозяйства СССР вместе с филиалом в Вороново, тоже бывшим домом отдыха, километрах в пятнадцать от Михайловского. Есть еще один филиал, но о нем мы поведем речь ниже.

Доехать до Михайловского и Воронова можно на рейсовом автобусе от метро Новые Черемушки, на такси с любого места, где его наймешь, служебными легковыми машинами, а лучше всего — одним из четырнадцати служебных автобусов Министерства сельского хозяйства СССР. Из разных концов Москвы и даже из Подольска везут они утром на работу, а вечером с работы служащих и командированных.

Крокодил может сделать полезное дело — ознакомить читателей с жизнью Министерства сельского хозяйства.

Предлагаю такой маршрут корреспондентам и фоторепортеру Крокодила:

Утром в 8.30 садитесь в Орликовом переулке в автобус для командированных и отправляетесь в нем в Михайловское (в пути — час двадцать минут). В автобусе послушайте, откуда командированные и зачем едут они, к кому, по какому делу

и какие у них еще дела в Москве. Подъезжая к Михайловскому, на повороте от кольцевого шоссе, посмотрите влево на жилой поселок министерства, сделайте в блокноте для памяти запись: «Побывать, осмотреть, поговорить, кто, откуда въехал в квартиры и комнаты».

Если автобус остановится около старого деревянного клуба, войдите в парк и немедленно направляйтесь в главный корпус, в столовую, позавтракать. Если бы вы приехали летом, вам пришлось бы, прежде чем поесть, порядком постоять в очереди, так как летом в столовой тьма дачников — членов семей сотрудников министерства и людей посторонних.

Из главного корпуса проложите трассу к корпусу № 1, бывшему барскому дому, ныне занимаемому различными подразделениями министерства.

Среди них есть разные — деятельные и бездеятельные.

Если вам потребуется врачебная помощь, выйдите из корпуса № 1, обогните его и снова войдите в него там, где увидите вывеску «Поликлиника». Она хорошая, врачи в ней остались еще со времен санатория.

Около поликлиники не стоит осматривать бывшие соларины и т. п., но не грех полюбоваться прудом, где летом некогда плавали лодки, зимой катались на коньках. Осмотрите парк, пройдите в корпус № 6 (Главное управление науки, пропаганды и внедрения передового опы-

та), № 8 (Главное управление сельскохозяйственных предприятий), № 2 (Главные управления по племенному делу и ветеринарии), на 2-й этаж главного корпуса (министр, заместители его, секретариат) и делайте записи.

Если не устанете, зайдите в юридический отдел, попросите «Положение о министерстве». Прочтите и убедитесь, что, к великому сожалению, оно не утверждено да и не все в нем ясно.

Из Михайловского рекомендуется съездить в Вороново. Помимо чудесной природы, красивых зданий и прочего, там можно полюбоваться бурной деятельностью Госкомиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур, а если будете возвращаться в конце дня с ее сотрудниками в Москву, посмотрите, как они, бедные, спят в автобусе.

Вернувшись в Москву, не ставьте точку в блокноте. Наберитесь сил и войдите в здание у Орликова переулка, от которого вы начали свой путь.

Чтобы не запутаться, где кого искать из сотрудников Министерства сельского хозяйства СССР, попросите у кого-нибудь изданный в конце прошлого года и поэтому далеко не полный список телефонов лиц, представляющих министерство в Москве.

Пусть вас не смущает, что они разбросаны по этажам и клетушкам, сидят впритык друг к другу. Несмотря на это, подавляющее большинство их, как и в Михайловском, добросовестно работает.

С Москвой, со зданием в Орликовом, их связывает не только личное (семья в столице), но и то, что они (но не все) заняты такой работой, какую никак нельзя выполнять в Михайловском. Я имею в виду тех, кто работает в управлении научно-технического сотрудничества с зарубежными странами, управлении научного оборудования, и некоторых других. Их деятельность постоянно связана с учреждениями, расположенными в Москве, с приезжими из научных институтов, вузов и т. д.

Перед тем, как вернуться в редакцию, обдумайте увиденное и услышанное, зайдите в Орликовом в бухгалтерию, АХО министерства и из пространных бесед с работниками и из записей в книгах извлеките цифры и подсчитайте, во что обходится государству деятельность министерства, расселенного по многим местам.

Это письмо — голос честного человека, любящего министерство, отдавшего работе в нем лучшие годы своей жизни и верящего, что Министерство сельского хозяйства СССР может в иных условиях работать лучше.

Пишущий письмо уверен, что нельзя больше терпеть нетерпимое, мучиться сотням людей, вернее, тысячам людей, связанных с сельским хозяйством, нельзя бессмысленно тратить впустую большие государственные средства.

10 октября 1964 года.

* * *

Послушался совета. Ездил. Знакомился. Убедился. Огорчился. Все как в письме.

КРОКОДИЛ

ростение

косаться

пер

заец

ЗА ПОДЪЕМОМ УЧОБЫ!

огурци

пер

оловянный

пошкали

подушлон

отици

уригация

на лишке

можатъ

загаратъ

кспеху

котици

щюки

ЕХО РЕФОРМЫ

Проект реформы русского правописания вызвал прилив энтузиазма у некоторых дерзновенных умов. В лингвистику двинулись самостоятельные рационализаторы и изобретатели. Посыпались проекты, так сказать, встречных реформ.

Одной из идей, воспламенивших воображение рационализаторов, явилось предложение комиссии изъять из русского языка твердый знак. Творческая мысль доморощенных реформаторов забурлила вокруг вопроса: а нельзя ли отчислить из алфавита какие-нибудь буквы еще?

Например, студент-заочник Казанского университета П. Габишев пишет в газете «Советская Россия» следующее:

«Не совсем понятно значение буквы э. С этой буквой пишутся немногие русские слова и часть слов иностранного происхождения: сэр, мэр, Эдик, этаж. Без буквы э (а постепенно и без фонемы) можно обойтись. Ученик лишь механически запоминает длинный ряд слов с э. Зачем? Пусть пишется Эдик вместо Эдик, этаж вместо этаж, маэстро, а не маэстро, его, фаетон».

Студент-заочник П. Габишев и

его единомышленники, быть может, сами этого не ведая, открывают эпоху в русском языке — эру сокращения нашего алфавита.

Сокращать так сокращать. Давайте, например, каждую неделю ликвидировать по одной букве. Сегодня пусть это будет «п», а в следующую вторник — «г» и так далее. Вместо «п» будем пока что

ПО ПРЕДЛОГАЕМЫМ ПРАВИЛАМ

Учился я не без ленци, и плавал в орфографии...

Учоные! Вы молодци: вы нам, «плавцам», потрафили. Коль выгарит, паду я ниц, Восторг свой изъявляючи; Всем возмушонным крикну:

«Циц!

Пишите «жжош» и «заечий»! Вы грамотность (о чом тут реч!)

одним скочком повысили. ...Но надо б все таки береч язык то и Комисие! Вот весь мой пред-ынфарктный сказ.

Да-с!

В. КОРЧАГИН

А. ВИХРЕВ

ПИСЬМО РЕТРОГРАДУ

Дорогой друг! Зря вы ополчились на проект новой орфографии. По-моему, вы явно не в ту сторону направили пламень своего негодования. Чем, скажите, плох девиз «Как слышеца, так пишеца»? В конце концов в итоге проведения еще двух-трех реформ будет достигнут идеал: каждый станет писать абсолютно правильно, создав сам для себя самобытную орфографию.

Уверю вас, в этом нет ничего ужасного. Авторитетные ученые подтверждают, что если корову назвать «каравой», то она не станет хуже доиться. А вот успеваемость, дескать, резко повысится. И это главное.

Таким образом, плохо не то, что орфография непрерывно развивается и видоизменяется. Меня больше волнует, что некоторые другие науки продолжают пребывать в первоизданном виде, покрываясь плесенью пред-рассудков о невозможности, видите ли, их непрерывного совершенствования.

Взять, к примеру, арифметику. Разве не странно, что в наши времена, когда школьники изучают основы атомной энергетики и, более того, скоро будут, возможно, писать не «заяц», а «заец», они вынуждены зубрить обветшалую таблицу умножения, которая не претерпела изменений со времен Эвклида и Тараса Бульбы?

Страшно вспомнить, сколько двоек получил я в свое время за то, что не

смог заучить «шестью семь — сорок два» и «семью восемь — пятьдесят шесть». А ведь если вздумать, то и впрямь недоступно понимаю, что в результате перемножения, скажем, восьмерки и девятки получается число, в котором отсутствуют обе эти исходные цифры. Вместо них ни с того ни с сего появляются «семерка» и «двойка».

Вот в этом-то зачастую и коренятся предпосылки низкой усвояемости и успеваемости. Нет, пора, давно пора отказаться от гипотезы, что, дескать, внести новое в таблицу умножения можно, только исказив ее!

Усовершенствовать таблицу можно и должно. Идея проста и оригинальна, а главное — дети меновенно освоят ее. О взрослых уже и говорить нечего.

Скажите, разве трудно будет заучить, что дважды восемь — двадцать восемь, а семь три — семьдесят три, трижды семь — тридцать семь, восемь два — восемьдесят два и так далее?

Правда, возможно, что на первых порах новая таблица (так же, как и новая орфография) будет выглядеть несколько непривычно, но затем все войдет в свою колею. Это так же бесспорно, как дважды два — двадцать два.

Надеюсь, мой дорогой консерватор, что теперь я вас полностью убедил.

г. Рига.

Ц. МЕЛАМЕД

Рацпредложение Крокодила.

Рисунок И. СЫЧЕВА

роис

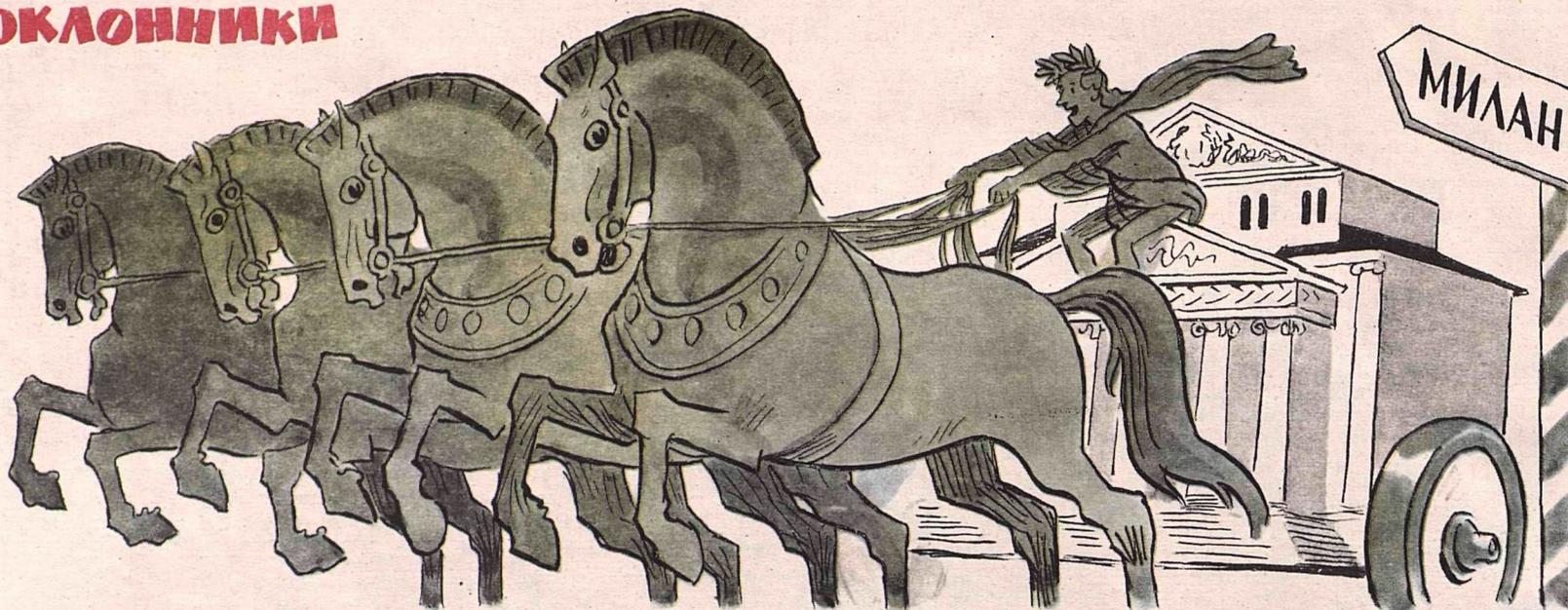
наслои

стеклянный

сплош

гуш

Крокодил

НА ГАСТРОЛИ В ИТАЛИЮ.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Г Н Е В Е В Р И П И Д А

КРИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Когда В. Неделин с блаженным вздохом погрузился в теплую воду, в ванную ворвались неизвестные мужчина и женщина, накинули на него сеть, выволокли из воды и притащили к ногам Еврипида.

— Кто вы, дети мои? — спросил великий драматург, с интересом разглядывая голого и мокрого человека, опутанного неводом.

— О великий, я Михалис Какоянис, автор и режиссер фильма «Электра», поставленного по твоей трагедии, а эта женщина — актриса Ирен Папас, играющая Электру.

— В чем повинен человек, лежащий у ног моих?

— Он написал рецензию на наш фильм в журнале «Искусство кино» № 8.

— Это вправе сделать каждый гражданин...

— Да, о великий, но он нарушил законы человеческой речи и вызвал смущение в умах людей. Он разбавил водой и сиропом могучие страсти твоих героев.

— В таком случае мы будем судить этого человека, — сказал Еврипид.

Он хлопнул в ладоши, и рядом с ним оказались герои «Электры»: «шлемоблещущий» Агамемнон, коварные убийцы Клитемнестра и Эгисф, мужественный Орест и античный хор.

Обратившись к героям трагедии, Еврипид коротко сказал:

— Мы судим человека, который пренебрег словом. Говори ты, Агамемнон!

— Я воин, и не к лицу мне длинные речи. Этот человек попал в сети собственных слов, которым он не придает значения. К тому же он слеп. Он не заметил античной простоты и великой мудрости твоей трагедии. Он не увидел в фильме мужественного и трудолюбивого народа Микен, который спас Электру и Ореста и помог им покарать преступников.

— Клитемнестра и Эгисф!

— О великий! — сказала Клитемнестра. — Я буду говорить и от имени Эгисфа. Мы недостойны обвинять, но мы не понимаем, что написал о нас этот человек. Вот слова его: «Все это образы и по духу и по силе несомненно еврипидовские, как бы образы и фрагменты трагедии еще в преддверии ее подчинения ограничениям сценичности в материале и красках, образы и фрагменты трагедии, стихия которой еще не укрощена гармонизацией в соответствии с жесткими канонами условности античного театра». Эти слова непонятны людям и неуловимы, как тени на песке. Казни его, Еврипид!

— Теперь ты, Электра! — мягко сказал Еврипид. — Говори и от имени Ореста. Он воин, но он еще юн, чтобы судить.

— О боги, зачем вы позволили этому человеку надругаться над моим окровавленным сердцем? Вот склонилась я над трупом Эгисфа, чтобы проклясть его, а этот человек, который сейчас барахтается в неводе, пишет: «После каждого клеймящего слова, обращенного к мертвому, Электра так покорно потупляется, так стыдливо умолкает, чтобы потом поднять на него глаза со смущением школьницы на первом свидании...» О боги! Меня, которую пожирает ненависть, сравнивать со школьницей на первом свидании!

— Горе нам! — раздался гневный вопль хора.

— Горе, горе мне! Я уже не женщина Древней Эллады из плоти и крови, и брат мой Орест не бесстрашный воин! Мы только фазы и частицы духа: «И когда в конце фильма трагические брат и сестра — эти две частицы одной души, сошедшиеся на миг, чтобы расстаться навсегда, — расходятся... словно две вечно повторяющиеся в жизни фазы, никогда не могущие быть одновременно: взлет и возвращение на землю, начало и конец...»

Еврипид улыбнулся:

— Какоянис!

— Я не буду говорить, о мудрейший! Прошу лишь объяснить мне, что означают эти слова об открытых и закрытых глазах: «Еврипид остается нам ближе, потому что он верит в право своих героев на наше участие, смотря на них открытыми глазами. Какоянис же, чтобы внушить себе и нам веру в то же еще большую, чем у их творца, должен для этого верить в них уже с закрытыми глазами... Не значит ли это пытаться остановить, вернуть вспять Еврипида?»...

— Вспять Еврипида... — усмехнулся Еврипид и задумался. Потом промолвил, взглянув на невод: — Человек, запутавшийся в собственных словах, лишенных смысла, пренебрегший страстями и мыслями героев, глухой и художественной правде, должен быть наказан. Электра, подними на него голос и гнев свой!

И тогда в глубокой тишине зазвучал грозный и страстный голос Электры, простершей свои руки над голым человеком:

— Ударит колокол, ножа проблещет жало, и вскрикнут мускулы в сверкании огней на торжестве кровавого металла...

В. Неделин бил озноб.

С. РЫЖАК

Юрий БЛАГОВ

ДИСКУССИЯ

Критик А съязвил о Б в обзоре, Критик Б ответил очень зло, Критик А опять придрался вскорее, Критик Б дал сдачи — и пошло... Поругаться можно, как известно, Но при чем здесь пресса — не пойму; Им двоим все это интересно, А другим все это ни к чему.

ОТКЛИКНУЛСЯ

Издан сатирик полное собрание, И критик поднял автора на щит: Цитирует его во всех компаниях, Но в прессе... выжидающе молчит.

Мамед СЕИДОВ

ОН ИДЕТ

Мои герои, Быстренько за мною! Располагайтесь сразу по местам. Не вздумайте влюбляться под луною: Скорей к станкам И оставяйтесь там!

Ведь если только Критик вас увидит, Он ни за что не оправдает нас: Нас не спасут Ни образ, Ни эпитет... Скорей к станкам! Вот он идет как раз...

Перевод с туркменского Бориса ДУБРОВИНА.

Заместитель начальника Ростовского сельского управления культуры товарищ Бицура сидел в своем кабинете, как вдруг в кабинет вошел мужчина. Он ласково посмотрел на Александра Дмитриевича и сказал:

Приходите веселиться, в ритме вальса покружиться, поиграть, попеть, сплясать — Одним словом, отдыхать.

— Это как же сплясать и попеть? — спросил тов. Бицура.

— По теме «Нам песня строить и жить помогает», — отчеканил мужчина. — Концерт-бал.

И мужчина положил на стол афишу, в которой возвещалось о «концерте-бале с участием демонстратора танцев Г. Балашевича». Помимо бала, в афише значились «викторина-концерт, игры, пляски, аттракционы, а также соревнования на приз».

— Балашевич — это я, — потупился мужчина.

— А вы взаправду демонстратор?

— Могу доказать. Разрешите пригласить вас на тур вальса!

— Я не умею, — стыдливо хихикнул зам. начальника и написал незнакомцу рекомендательную записку в Дом народного творчества.

В Доме творчества демонстратор танцев не терял времени.

— Ты, ты и ты! — ткнул он желтым пальцем в К. Гогопуло, А. Кузьмина и И. Колосова. — Вы будете джаз-квартет. А ты, — взгляд сурового импресарио потеплел, падая на молодую балерину Р., — займешься показом танцев. В ритме вальса.

Работников Дома Балашевич совершенно очаровал.

— Титан! — вздохнула старшая методистка Елена Борисовна Каймакан. — Гений эстрады!

— Да, да, — откликнулась бухгалтер К. А. Белова. — Просто какой-то

В ритме вальса...

сеятель разумного, доброго... Артист-универсал!

И они выдали титану суточные. Потом отсчитали проездные. А директор Дома В. И. Дмитриев лично вручил записку в типографию. Дабы сеятель доброго мог без затруднений отпечатать афишу.

Сорвав афиши с плоскопечатной машины, бригада, возглавляемая гением эстрады, немедленно выехала в город Азов. Далее события разворачивались стремительно...

Чудом избежав физической расправы со стороны соотечественников, рискнувших «поиграть, попеть, сплясать — одним словом, отдохнуть», коллектив ретировался на заранее подготовленные квартиры.

И никто так и не понял, кто такой этот Балашевич. Может, действительно артист, массовик, сеятель. А возможно, и беглый каторжник...

Давно ли думали в ростовских-на-Дону органах культуры, что с «ансамблем» некоей Чарской не пропадешь? И вдруг пришла депеша от Элистинского концертно-эстрадного бюро. А в депеше мольба: жрицу эстрады пленить и отправить в Элисту для подведения кое-каких итогов. Но пленить Чарскую до сих пор никому не удается. Она возникает то тут, то там. При ней кормится целый штат: кларнетист, чечеточник, баянист...

Ансамбль «Цыган» дал в Батайске концерт, по поводу чего тамошний отдел культуры вынужден был дать тамошнему отделу милиции справку:

«В городском парке культуры и отдыха 30 августа сего года выступал ансамбль песни и пляски «Цыган», руководимый Грофо Бобровым. Продажа билетов и пропускная система производилась своими силами. Билетов продано на сумму 476 рублей 80 копеек, из которых ансамбль уплатил парку за аренду помещения 47 руб. 68 коп., то есть 10%...»

Вам ясно, что значит «своими силами» и куда пошли остальные 429 руб. 12 коп., то есть 90 процентов сбора?..

...Где-то по северным районам Ростовской области передвигается зверинец гражданина Череповца. В отличие от маломощного господа бога этот Череповец выступает не в трех, а в шести и более ипостасях. Он директор, администратор и худрук. К этим амплу прибавляются обязанности кассира, контролера и дружинника. В программе Череповца заняты следующие птицы и звери:

Дрессированный попугай, Обезьяна,

Две белые мыши

И сверх программы —

недрессированный зеленый

змей (один).

Последний участник самый хлопотный. Он накидывается на хозяина как раз посреди действия и увлекает его в партер мощным турде-бра.

Нечего и говорить, что качество номеров, исполняемых балашевичами, чарскими, череповцами, сквернейшее. Об этом противно не только говорить, но и писать. Однако...

До сих пор в ритме вальса à la Балашевич кружатся по Ростовской области дремучие бездарности и балаганные лицедеи. В учреждениях же, ведающих культурой, об этом предпочитают не знать. Там царит атмосфера дерзкой самоуверенности и напыщенного всезнания. Суточные и гостиничные порой раздаются сомнительным гениям с бесшабашностью молодых кассиров-растратчиков, а печатные машины выпекают красочные анонсы, рекламирующие всякую чертовщину: «Бронзовых людей Иванова и Шварцмана» и «Соревнования по теме...».

Видите как! Раньше просто писали от руки: «Поднятие тяжестей и удержание в зубах пароконного экипажа с восемью барышнями». Теперешние «сеятели» орудуют, так сказать, по теме.

Мы не против темы. Мы против халтуры. Нам искренне хочется помочь соотечественникам, вкусы которых возвращают откровенные шарлатаны.

Имеется способ. Спешите видеть!

Игры, пляски и аттракционы по теме «Уголовный кодекс РСФСР»! Преследование «диких» бригад и «сквозных» ансамблей в уголовном порядке за сколачивание лежкооперации. Лишение свободы за жульничество и хищение бланков строгой отчетности!

А сверх программы — показательный судебный процесс над бандой халтурщиков в самом большом сельском клубе...

Вл. МИТИН,

специальный корреспондент Крокодила.

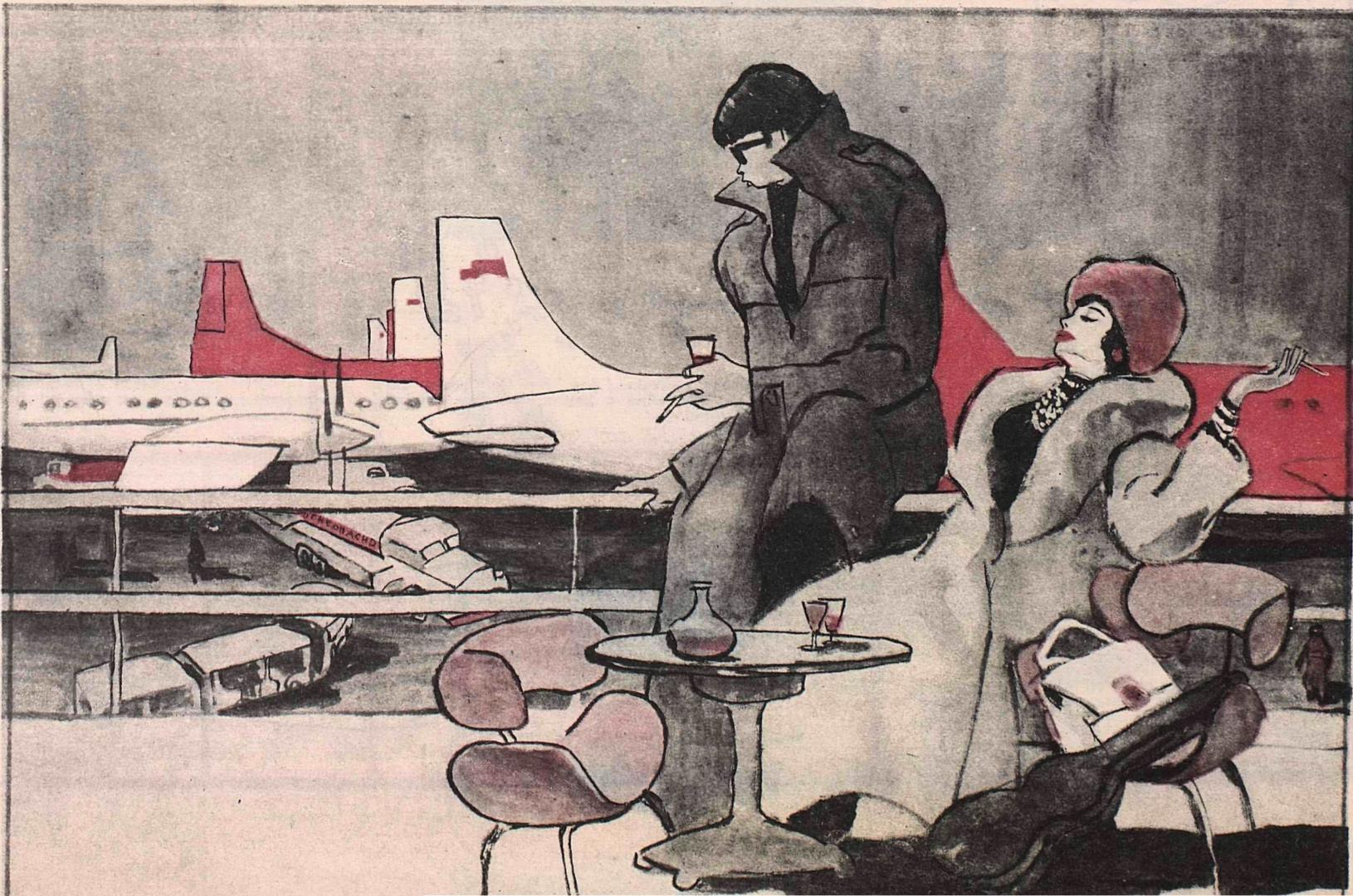
Ростовская область.

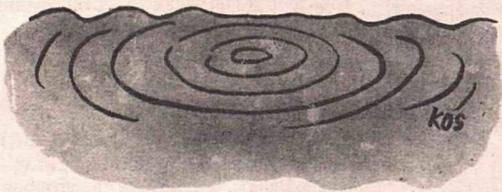
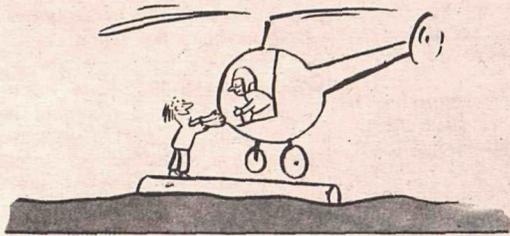
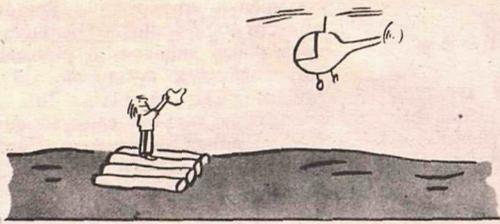
ЭСТРАДНЫЕ «ЖУЧКИ» НА ГАСТРОЛЯХ

— А я вас где-то видел...

— Да ведь мы с вами позавчера пели дуэтом...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПАВЛИХА

Кто такой Павлиха

Самая западная часть Югославии — это Словения, красивейшая земля с древними традициями, с тремя различными климатами, с полутора миллионами словенцев, говорящих на двенадцати диалектах и производящих, между прочим, пятьдесят сортов отличного вина.

Один из наиболее известных словенцев, говорящий на всех двенадцати диалектах и знакомый со всеми пятьюдесятью сортами местного вина, — это человек, который смеется над временем, потому что не стареет. Имя его известно всякому, хотя при переписи населения Словении в статистику он не попадает.

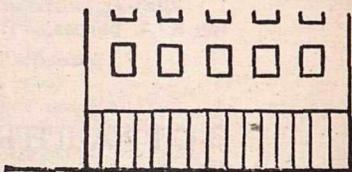
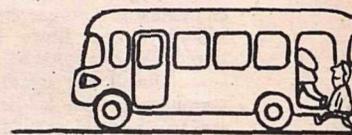
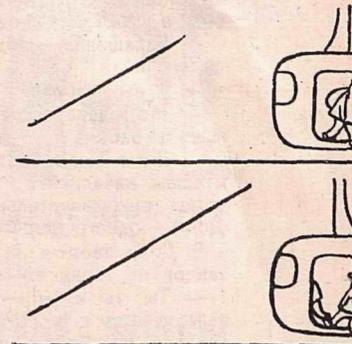
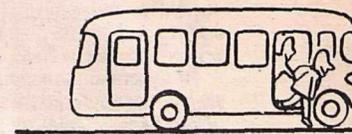
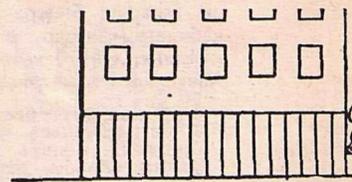
Его зовут Павлиха, и у него полно родственников: Лудаш Мати в Венгрии, Ойленшпигель в Германской Демократической Республике и многие другие. Павлиха — герой словенского фольклора, неунывающий весельчак, всегда вместе с шуткой говорящий правду. И, кроме того, Павлиха — название словенского юмористического журнала. При помощи этого журнала Павлиха еженедельно, согласно статистическим данным, встречается с тремястами тысячами словенцев.

Сколько лет самому Павлихе, точно не знает никто, даже самые ученые знатоки словенского фольклора. Возраст же журнала известен точно. Впервые он появился на свет без малого сто лет тому назад, во времена австро-венгерской монархии. Незачем и говорить, что власти были не в большом восторге от журнала, и вскоре он был закрыт. Однако убить Павлиху оказалось так же трудно, как убить смех. Павлиха воскресал снова и снова. Достаточно сказать, что даже в период борьбы югославских народов против немецко-фашистских оккупантов вышло несколько номеров «Павлихи».

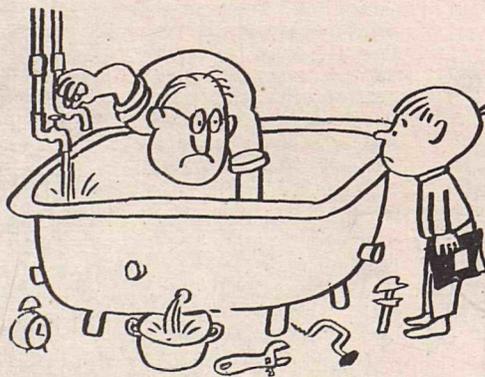
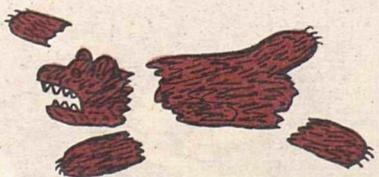
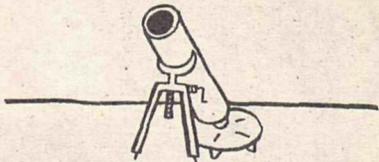
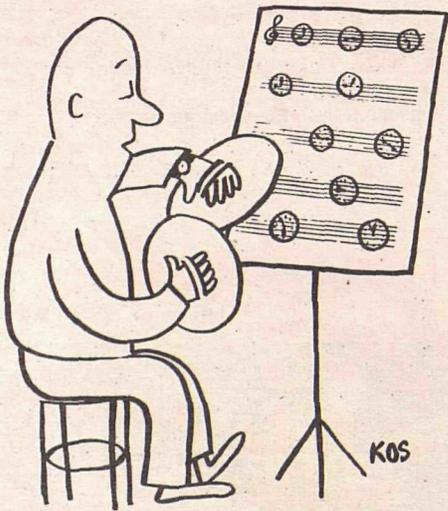
В социалистической Югославии у Павлихи много дел. Он борется со всеми пережитками прошлого, со всем, что мешает прогрессу. Журнал являет собой своего рода трибуну читателей. В каждом номере обязательно выступают читатели. Одни что-то предлагают, другие критикуют недостатки, третьи выступают с комментариями. Может быть, именно поэтому «Павлиха» пользуется такой популярностью.

Но не следует думать, что журнал делается исключительно читателями. В «Павлихе» работают известные журналисты и писатели, лучшие художники-карикатуристы Словении. С несколькими нашими художниками — Марьяном Амалетти, Вожо Косом, Штефаном Планинцем, Вине Рогелем, Максом Тоболевичем — мы хотим вас сегодня познакомиться.

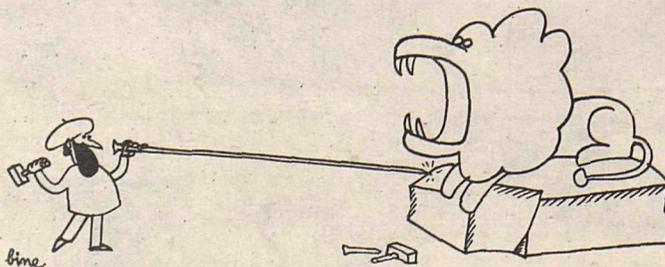
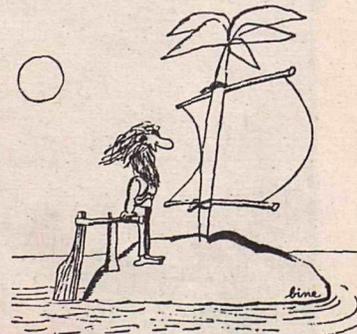
Лудвик БУРГЕР,
заместитель главного редактора «Павлихи».

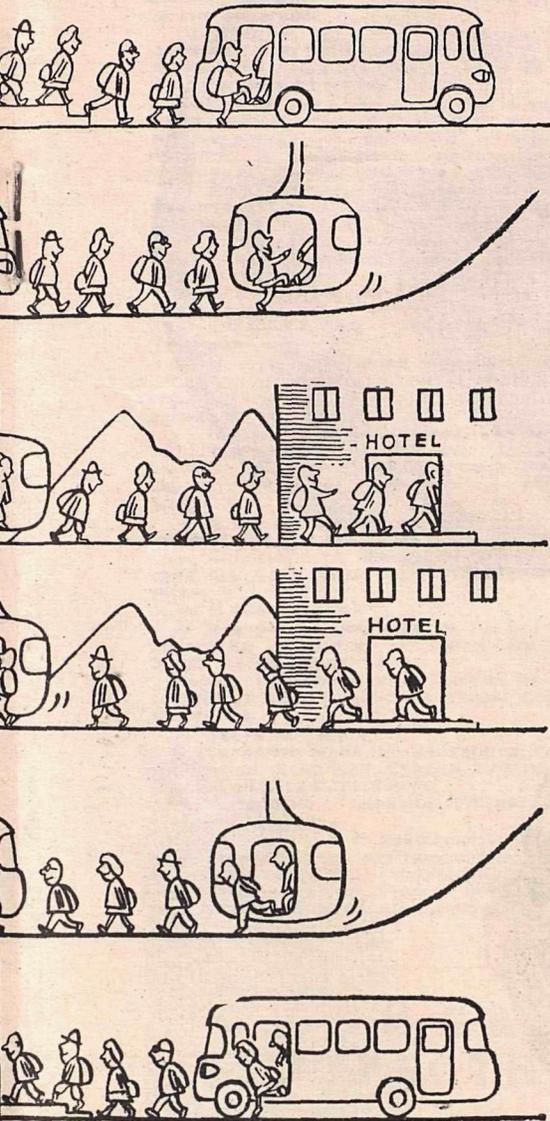

ЭКСПЕРСИЯ НА ЛОНО ПРИРОДЫ

— Скажи учителю, что эта дурацкая задача о бассейне с двумя кранами стоила нам ванны!

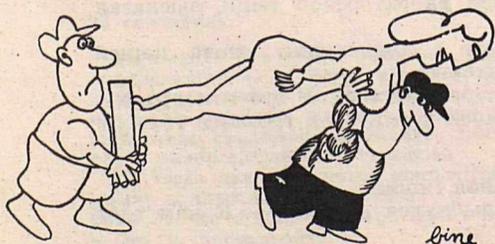

ы.

- Купите собаку. Отличная порода!
- А родословная есть?
- Нет. С нее весь род только и начинается.

vine

ЧЕМ ХУЖЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

НЬЮ-ЙОРК. Мисс Джоун Вудворд, эксперт по трудовым взаимоотношениям между рабочими и предпринимателями, открыла новый закон: производительность труда тем выше, чем... хуже настроение у рабочих.

Слов нет, новое «открытие» вызывает живейший интерес монополий. В самом деле, очень заманчиво: для повышения производительности труда снижать зарплату и тем самым «ухудшать настроение рабочих».

ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

БОНН. Об осложняющихся отношениях между Бонном и Парижем написаны сотни статей, но

Рисунок А. КРЫЛОВА

точнее всех определил эти отношения министр обороны ФРГ фон Хассель.
«То, что происходит между Парижем и Бонном,— сказал министр,— это уже не спор между влюбленными, а утомительный браноразводный процесс».

ХРИСТОВЫ МОДЫ

ПАРИЖ. Дом моделей Диора в Париже получил большой заказ. Монашеский орден Дочерей Сэнт Винсента де Поля (50 тысяч человек) заказал ультрасовременные одеяния для святых сестер.

Стали ли христовы невесты привлекательнее для неба — неизвестно, но для мужчин — безусловно...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

ЛОНГ-АЙЛЕНД (ШТАТ НЬЮ-ЙОРК). Известно, что американские школьники, воспитанные на телевидении и комиксах, весьма неохотно берутся за книгу. Должно быть, именно поэтому публичная библиотека Ислипа на Лонг-Айленде объявила, что каждый юный читатель, который прочтет пятнадцать книг, получит бесплатно порцию... мороженого.

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДОВ

Когда директор Львовского пивзавода К. И. Бегляков окончательно убедился, что заместитель главного бухгалтера Т. П. Серединская непримирима к расхитителям государственного имущества, он выгнал ее с работы.

А началось все с того, что Серединская обнаружила на заводе недостачу бочек. Многих дубовых бочек, каждая из которых стоит 12 рублей. О своем открытии заместитель главбуха поспешила уведомить директора.

— Вы заблуждаетесь, Тамара Петровна,— уверенно сказал Бегляков, буряя собеседницу гипнотическим взглядом.— Столько бочек не могло исчезнуть само по себе. Не хотите же вы сказать, что на руководимом мною предприятии могут быть воры?

Оказалось, что Тамара Петровна хотела сказать именно это. То есть она не хочет тыкать пальцем, но у нее есть соображения. Главный бухгалтер Казаков, например, пытается списать недостачу недозволенным способом.

Директор страшно удивился.

— Не может быть! Я немедленно вызову Казакова и поговорю с ним. И он действительно вызвал главного бухгалтера, и они долго беседовали с глазу на глаз. Очевидно, беседа протекала в мире и согласии, поскольку на устах вышедшего Казакова играла загадочная улыбка.

Серединской же было сказано, что никаких бочек главбух не списывал. Он просто пошутил.

Шутки шутками, однако ближайшая ревизия обнаружила недостачу 3910 бочек на сумму в 46920 рублей. Но директор успокоил ревизоров. Правда, весьма странным образом. Он сказал, что все бочки были разбиты и сожжены как дрова.

Но еще более странно, что ревизоры поверили. Такие уж они попались добрые и отзывчивые.

Все завершалось благополучно, к общей радости руководителей завода. Но тут пришло известие о том, что неугомонная Серединская сообщила о своих наблюдениях в ОБХСС Шевченковского района Львова.

— Какое нахальство! — возмутился главбух.— Ведь у нее нет даже высшего образования. Из-за таких и получают недостачи.

— Именно! — поддакивал секретарь заводской парторганизации Ивушкин.— Прошу отметить: она кладет пятно на весь коллектив.

А председатель завкома Рюмшина мечтательно произнесла:

— Вот выгнать бы ее... Как чего-нибудь не оправдавшую.

С такой туманной формулировкой Тамару Петровну и вытолкали за ворота.

Тем временем дело о бочках перешло в прокуратуру Шевченковского района. И пока там раздумывали, тактично ли из-за какой-то полсотни тысяч рублей портить отношения с официальными лицами, Львовское областное управление промышленности продовольственных товаров утвердило приказ об увольнении строптивой Серединской. Но с уточненной формулировкой: по причине профессиональной непригодности и как не имеющую специального образования.

Случилось это два года назад. Много интересных событий произошло за это время. Прокуратура довела-таки дело до конца. Директора

попросили-таки с завода вон. А секретаря парторганизации и председателя завкома отозвали, как не оправдавших доверия.

И тогда Тамара Петровна снова пришла на завод и попросила восстановить ее в прежней должности заместителя главного бухгалтера.

— С моим превеликим! — живо откликнулся новый директор тов. Кислицын.— Принесите «добро» из управления пищевой промышленности Львовского совнархоза и займите свое место.

А в управлении как раз проходила кампания по повышению бдительности.

— Серединская? — настороженно переспросили Тамару Петровну.— А разве вас не посадили?

— Как видите.

— Странно. Кстати, закончился уже процесс по вашему пивзаводу?

— Пока нет. Но я-то здесь при чем?

— А может, вас еще доразоблачат,— засомневались в управлении.— И припишут нам близорукость. Нет, не можем. Лучше подождем, пока суд все выяснит.

Ждать пришлось долго. Наконец суд установил, кто виновен, а кто нет. Тамара Петровна оказалась среди невиновных.

— Вот теперь хорошо,— похвалили в управлении.— Теперь все ясно, что вы честный человек. Можете смело устраиваться на работу.

— Как это устраиваться? — опешила Серединская.— Я пришла не устраиваться, а восстанавливаться.

— Но ведь вас уволили! По непригодности. Приказ подписал лично директор завода.

— Бывший директор,— уточнила Тамара Петровна.

— Но по согласованию с секретарем партбюро!

— Бывшим секретарем.

— И с ведома предзавкома...

— Бывшего преда! Все они сняты со своих постов — кто за жульничество, кто за потакание жуликам.

— Да, но приказ о вашем увольнении одобрен Львовским областным управлением промышленности продовольственных товаров.

— Да бывшим же управлением! — в сердцах воскликнула Серединская.— Расформировали его!

Управленец подал посетительнице стакан воды и спокойно заметил:

— А когда вас увольняли, они были не бывшими, а совсем наоборот. Значит, приказ законный.

С утра до вечера ходила Серединская по львовским учреждениям в поисках чуткости и участия. Из совпрофа в совнархоз, из совнархоза в прокуратуру, из прокуратуры в райком... Но снова и снова на ее пути вставали тени уволенных и забытых предов, замов и завов, которые по согласованию и с согласия...

Что это — месья за критику? Преследование за борьбу с запятнавшим себя руководством? В том-то и дело, что нет! Просто люди, от которых зависит верное решение вопроса, безразлично относятся к судьбе человека. Они ленятся вспомнить, с чего все началось.

Напомним. Все началось с того, что бывший директор пивзавода убедился: Т. П. Серединская непримирима к расхитителям государственного имущества.

В. НАДЕИН

г. Львов.

Дутый авторитет

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Дядя Сеня и К°

Перед началом рабочего дня личный секретарь директора комбината «Швейпромбытсбыт» Людочка собрала всех служащих конторы и торжественно поведала:

— Дядя Сеня сейчас будет и сделает важное сообщение.

Она имела все основания называть так своего шефа, ибо приходилась ему племянницей.

Сотрудники недоумевали. Ведь они только час тому назад видели директора, и он никаких новостей не сообщал! Главный бухгалтер, тесть директора, вопросительно посмотрел на свою жену, работавшую кассиром. Та пожала плечами и спросила своего двоюродного брата, старшего товароведа:

— Что стряслось? Сеня мог бы и дома во время завтрака рассказать!

— Н-да, странно,— пробормотал товаровед и обратился к заму директора по АХЧ: — Петя, тебе отец ничего не говорил?

— Нет. Может, мать знает. Мама, ты не в курсе дела?

Зав. складом отрицательно покачала головой. Начальник отдела кадров, дядя директорской тещи, высказал мрачное предположение:

— Неужели получено указание о сокращении штата нашей семьи... м-м... я хотел сказать, конторы?

Все вздрогнули и испуганно переглянулись. В это мгновение в кабинет энергичными шагами вошел директор и громким голосом сообщил:

— К нам едет ревизор!

В кабинете воцарилась могильная тишина.

— Да, ревизор,— лучезарно улыбнулся директор.— К нам едет товарищ Перспектюк!

Все облегченно вздохнули: ревизор приходился директору троюродным братом.

Ю. БОТЕВ

Как-то в прошлом году мы ранним утром рыбачили с лодки километрах в двух от берега, в виду маяка. Владелец лодки, Серапион Иванович, был мой приятель, сухощавый, седоусый сухомец, чуть согбенный, в достаточно потертой войлочной шляпе. Человек немногословный, но достаточно язвительный.

Признаюсь, я всегда опасался его ядовитых замечаний, когда совершаю ошибку — слишком порывисто дергаю удильце или не по правилам насаживаю наживку.

Вскоре рядом с нами бросила якорь нарядная двухцветная лодка с отличным мотором. Хозяин великолепной моторки, пятидесятилетний мужчина в шерстяном спортивном костюме, стал удить двумя дорогими спиннингами.

— Доброе утро, Серапион, — с какой-то снисходительностью и вместе с тем с подобирающей поздоровался спиннингом.

— Доброе утро, товарищ Санадзе, — не очень приветливо ответил Серапион Иванович, не повернув головы.

Вскоре Санадзе вытащил довольно крупную ставриду.

— Ковер поймал, — тихо произнес Серапион Тинашвили.

— Ковер? — не понял я. — Какой ковер?

Серапион молчал. Я ждал, зная, что переспрашивать бесполезно. Если старик найдет нужным, он сам пояснит.

— Ковер, говорю, поймал, — наконец повторил он. — Который старыми деньгами пять тысяч семсот стоил. Выловил его на своей службе в своем кабинете и отбуксировал домой.

— А его спросили, зачем он отнес государственный ковер в свой дом?

— Спросили. А как же! «Я, — сказал он, — взял его на память о работе в этом учреждении».

— И дальше что?

— Все очень смеялись. И не стали обижать товарища Санадзе. Оставили ковер у него. У нас любят посмеяться.

Через несколько минут сосед наш вытащил солидную нефаля. Скосив глаза, Серапион усмехнулся:

— Тестя вытащил.

Я терпеливо ждал комментариев. Серапион не торопился. Я молчал. Старик хмурился. Тогда я как бы полюбопытствовал:

— Интересно, сколько потянет этот тесть? То есть нефаля.

— Десять лет с конфискацией имущества.

— Значит, тесть все-таки попал в уху?

— Чуть не попал. Товарищ Санадзе вытащил его из кастрюли. Заодно его дом и другое имущество, подлежавшее конфискации.

Ясон ГЕРСАМИЯ

РЫБОЛОВ

Я заметно беспокоился, не слышит ли нас рыболов, вытащивший тестя и умыкнувший ковер. Но нет: морской ветерок дул в нашу сторону, к тому же мы вели обличительную беседу в мхатовских полутонах.

Наконец и мы выловили по небольшой ставриде, зато сосед — жирную морскую иглу, похожую на угря.

Я приуныл. Меня уже злило везение владельца моторки, который столь удачно рыбачит и на суше и на море.

Увесистая игла вызвала очередной комментарий:

— Дядю жены выловил. Когда он вернулся из отдаленных мест, товарищ Санадзе устроил его заведующим лесоторговой базой. А тот проглотил на полмиллиона рублей леса. Также в старых деньгах. Проворный был хищник, но все же попался. Тогда рыболов Санадзе снял его с крючка и, как говорится, бросил щуку в море. И не зря. Дядя жены снова украл миллион. Но скоро помер... Племянница жены Санадзе так любила дядю, что поставила ему памятник из черного мрамора. Двадцать тысяч стоил.

— Дорогой... Даже по старым ценам, — заметил я.

— И не такой памятник поставишь, если тебе в наследство сотни тысяч достались.

Между тем Санадзе тащил из глубин одну рыбку за другой. Я тоже пользовался спиннингом, однако почти впустую.

— Что за чудо! — невольно возмущался я. — У него все время клюет, а у меня ни черта. В чем секрет?

— Секрет? Верно, секрет есть. Ты, брат, не на должном месте сидишь.

Сбитый с толку, обескураженный неудачей, я пересел на другое место и тоже спиной к берегу, как Санадзе.

Серапион откровенно рассмеялся.

— Я сказал: не на должном месте. Это значит, ты, дорогой мой, не ту должность занимаешь. На суше, а не на море.

Я покраснел: какого дурака сваял!

— Сейчас поясню тебе. Недавно встретился мне один карась. Не очень крупный, но хитрый. «Куда торопишься?» — спросил я его. «К твоему соседу, к товарищу Санадзе». «Расстратил?» «Что поделаешь!» «Много?» «Четыре тысячи. Как ты думаешь, твой сосед клюнет?» «Смотря, — говорю, — какая наживка». «По-моему, подходящая». «Тогда не сомневайся, все будет в порядке».

Карась заведовал магазином сельпо, так что приманка у него была стоящая. В таких случаях карась тебе всю чешую отдаст, только отпусти его снова в воду.

— А что значит «подходящая наживка»?

— Она разная бывает. Столовый гарнитур, холодильник, хрустальная ваза, а чаще наличными.

— Хорошо у вас, Серапион Иванович, сосед! Но что же вы никак не выловите такую щуку? Нехорошо поступаете. А еще опытный рыбак!

— Нехорошо. Знаю. Только для такой щуки нужен подходящий крючок, чтобы не сорвалась. Нет у меня такого крючка... Но говорят, что такие крючки уже имеются. И уже многие карасики на них повисли. И другие скоро попадутся. Крючок называется «На какие средства, уважаемый, ты роскошно живешь?» Так что не только карасям, но и щукам не поздоровится.

Вскоре удачливый рыболов свернул удочки. Утренний туман еще не совсем рассеялся, но уже всходило солнце. Очевидно, хозяин моторки не любил удить в ясную погоду. И поскорей унатил.

...В этом году, приехав в Сухуми, я с Серапионом Ивановичем отправился на рыбалку. Мимо нас пронеслась моторка «Дельфин», двухцветная, с отличным мотором.

— Знакомая моторка, — сказал я.

— Верно. На ней мой сосед — Санадзе удил.

— А сейчас?

— Сам на крючок попался.

— А не сорвется?

— Не-е-ет. Теперь такие крючки имеются, что любой хищник на нем повиснет. С конфискацией имущества.

— Кто же это теперь на «Дельфине» промчался?

— Рыбоинспектор. Также рыболов. Браноньев вылавливает. Тебя такой хозяин моторки устраивает? — спросил Серапион.

— Вполне.

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ

Обокрав пассажирку, вор улизнул, не оставив на месте преступления ни визитной карточки, ни расписки на похищенные вещи, ни даже паспорта с фотографией, чем, понятно, сильно затруднил розыски своей персоны.

Поскольку кража была совершена в поезде Адлер — Москва, установлением личности похитителя занялись работники линейного отделения милиции станции Орел, Московской железной дороги. Вскоре они выяснили, что в одном купе с пострадавшей ехала с курорта текстильщица из города Иванова. И эта спутница могла пролить некоторый свет на личность злоумышленника.

Не располагая никакими другими данными, орловская милиция попросила отдел угрозыска в Иванове: разыщите, мол, эту работницу и расспросите детально. Это вполне возможно. Не все же ивановские ткачихи ехали именно в этот день, именно в этом поезде и именно с кавказского курорта.

Наши ивановские коллеги, видимо, были другого мнения. Через три недели (а не через 10 дней, как положено) они прислали ответ, который мы приводим без малейшего отступления от оригинала:

«Сообщаю, что в Вашем запросе не указано не фамилии не имя женщины, а также и место работы, поэтому ее установить не представлялось возможным».

Ставлю Вас в известность, что так нинто неизвестных не устанавливает.

Зам. начальника ОУР УООП Ивоблисполкома (подпись неразборчива)
№ 1/1457.

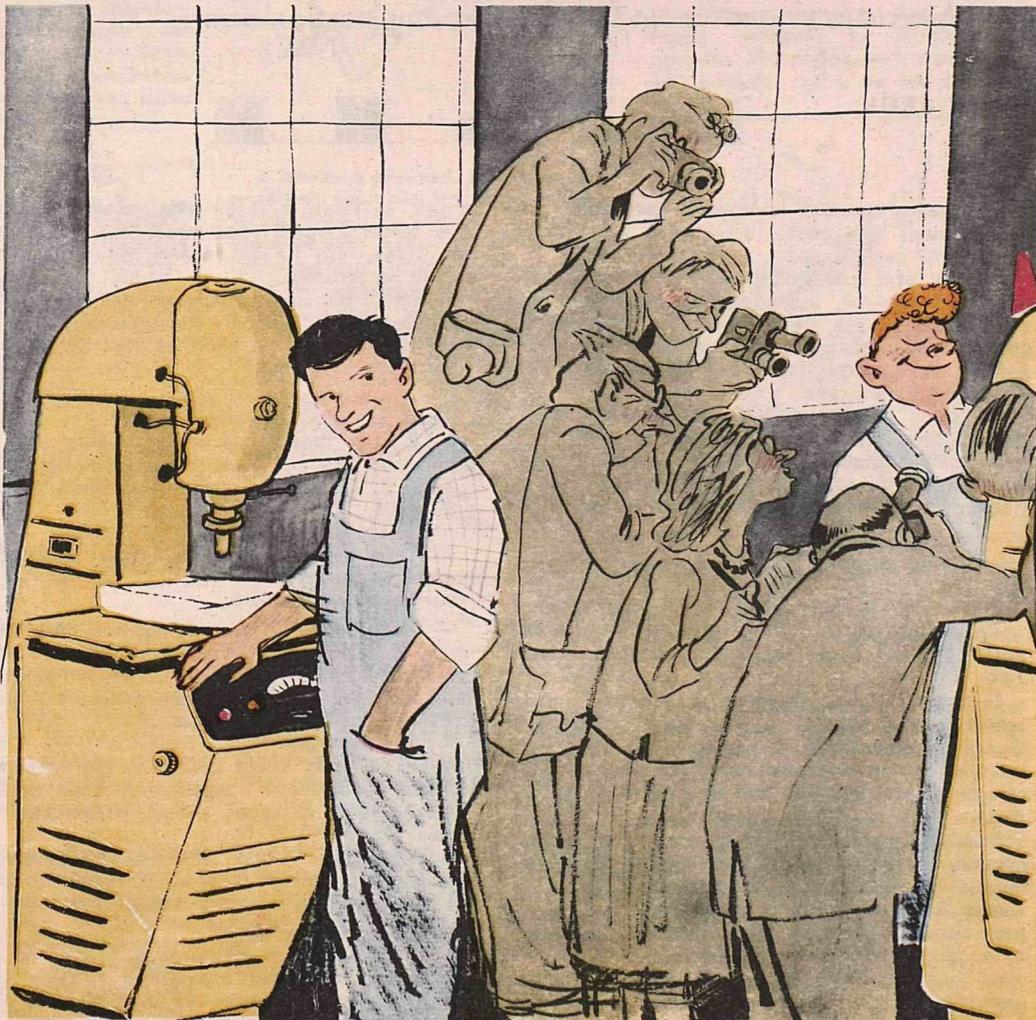
24 сентября».

Вы тысячу раз правы, товарищ, неразборчиво подписавшийся. Действительно, неизвестного куда скорее можно «установить», если известны его имя и фамилия, место рождения, профсоюзный стаж, семейное положение, домашний адрес и номер служебного телефона.

Но тогда напрашивается вопрос: зачем с такими данными обращаться в уголовный розыск? Не проще ли обратиться непосредственно к почтальону?

А. ЗАПЫЛАЕВ,
майор милиции

Орел — Москва.

— Слава богу, Иванов побил мой производственный рекорд. Теперь я могу работать спокойно!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Комсомольскую свадьбу мы сыграли по-божески!

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

Леонид ЛЕНЧ

И Л Ь И Н Д Е Н Ь

РАССКАЗ

При лавке имеется каморка — крохотная фанерная нора без окон, отделенная от других помещений перегородкой, тоже фанерной.

В нору втиснуты кухонный колченогий стол, накрытый зеленой, выцветшей, залитой чернилами бумагой, и два стула: один для посетителей, другой для Ивана Трифоновича, заведующего лавкой, или «потребилковкой», как называют его торговую точку в селе.

На столе стоят телефон и перекидной календарь. Тут же лежат большие счета.

На двери, ведущей в каморку, кнопками прикреплен кусок картона, на нем рукой самого Ивана Трифоновича написано крупно и четко:

**«ЗАВЕДУЮЩИЙ И. Т. МАКАЕВ.
ПРИЕМ ГРАЖДАН ПО МЕРЕ НАДОБНОСТИ.»**

Сейчас Иван Трифонович принимает в своем «кабинете» старуху Анну Ивановну Гальчихину (она же бабка Гальчиха) — особу в селе известную.

Гальчиха, член церковной «двадцатки», пользуется у верующих сельских старух и стариков большим авторитетом. Характер у нее властный, жесткий, и ее побаивается даже сам местный священник, молодой, но уже пузатенький отец Кирилл.

Гальчиха сидит на стуле, одетая во все черное, прямая, тощая, со сросшимися на широкой переносице черными бровями, и ведет с заведующим «потребилковкой» тонкий, дипломатический разговор. Пришла она в кабинет к Ивану Трифоновичу по деликатному делу.

— Ваш Илья-пророк, уважаемая Анна Ивановна, — вкрадчиво и, как ему кажется, очень убедительно говорит Иван Трифонович, иронически шурясь, — есть миф, то есть ничто. Одно ваше воображение, пустой звук!

— Звук-то звук, да не пустой! — обижается за Илью-пророка бабка Гальчиха. — Не грехи, ба-

тюшка, на Илью, а то он тебя накажет. В Ильин день всегда гроза грешников бьет. Не посмотри Илья, что ты партийный, да и даст тебе звуком по затылку!

— Ох, и темная вы старуха, Анна Ивановна! — поражается заведующий «потребилковкой». — Да наши космонавты все небо обшарили, нигде вашего Илью не нашли!

— А может, он в тот день выходной был! Иван Трифонович мотает головой.

— С вами спорить по идейному вопросу — все равно, что керосин пить, Анна Ивановна!

— А я, батюшка, к тебе не спорить пришла, а по делу!

— Какое у вас дело?

— Тебе известно, что на Ильин день у нас в церкви престол?

— Ну, известно.

— Надо бы тебе, Иван Трифонович, обеспечить, чтобы в лавке к этому великому дню и водочка была в потребном количестве... Ну, и селедочка там, колбаска... Праздник ведь большой — Ильин день!.. И дрожжец бы припас...

— Все варите?!

— Я не варю, крест святой! А другие варят...

Иван Трифонович придвигает к себе счета и указательным пальцем резко сбрасывает костяшки.

— Обеспечим, Анна Ивановна! — говорит он уже бодро и ласково. — Всего завезем, потому — как это ваши церковники говорят? — «богу богово, а кесарю кесарево»!

...И вот наступает Ильин день. С утра по селу разносится ликующий призывный трезвон колоколов, в церкви пузатенький отец Кирилл в парадной ризе правит торжественную службу.

К полудню на жарких, пыльных сельских улицах уже появляются первые пьяные — верующие и неверующие.

У «потребилковки» стоят на улице колхозный сче-

товод Аграмонов, однорукий, желчный человек, в старом офицерском кителе и новенькой клетчатой кепке, библиотекарка Зоя Кулигина, смешливая, румяная девушка, собирающаяся выходить замуж за учителя, и Иван Трифонович.

— Опять наши комсомольцы да и мы тоже, коммунисты, престол проморгали! — возмущается Зоя Кулигина. — Мы с Петей говорили в правлении, предупреждали... Все мимо ушей! Смотрите, сколько пьяных! И драки уже были! Вот увидите, завтра много невыходов на работу будет!

— Точно! — подтверждает ее слова Иван Трифонович и, помолчав, добавляет веско: — Надо бы на партийном собрании ближайшем этот вопрос обсудить... Об усилении вот именно безбожно-воспитательной работы среди остальных слоев населения.

— Только не тебе этот вопрос придется ставить, — желчно замечает Аграмонов.

— Почему же это не мне? — настороженно шурится Иван Трифонович. — Я, брат, старый безбожник.

— Да, да, безбожник! — с тем же желчным сарказмом говорит Аграмонов. — В бога-отца, в бога-сына и в бога-духа святого ты не веришь, это верно, у тебя один бог — бог план святой!.. Все село в престольный день водкой залил! Торгаш ты, а не советский кооператор!

Он резко поворачивается и уходит.

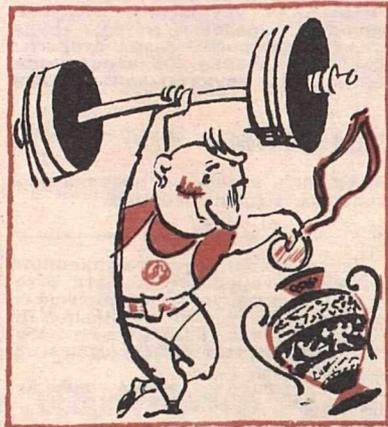
— Вот ведь до чего склочный тип! — с искренним возмущением говорит Иван Трифонович и смотрит на смутившуюся Зою Кулигину в ожидании, что и она вместе с ним осудит желчного колхозного счетовода. Но Зоя отводит глаза в сторону и начинает прощаться: надо идти, а то как бы гроза не застала. В небе где-то далеко глухо и грозно ворочается гром. Бюро прогнозов погоды не подвело Илью-пророка, и Ильин день, видать, не обойдется без грома и молний.

Постояв еще немного на улице, Иван Трифонович уходит в лавку...

В кармане олимпийского костюма я нашел трогательное пожелание вернуться из Токио чемпионом. Написали его работники ленинградской фабрики спортивного инвентаря, показавшие, как здорово они могут шить (и как следовало бы шить не только в високосном году и не только для олимпийцев).

Наверное, старший контролер ОТК товарищ Кузнецова и ее подруги будут огорчены, узнав, что их пожелание получил не всамделишный олимпиец, а журналист. Но журналисту тоже были нужны добрые пожелания. Вот только фразу «Счастливого, вы едете в Токио играть» я отредактировал бы сегодня так: «Счастливого, вы едете в Токио не спать, переживать, волноваться, записывать валидолом каждую телефонную передачу и в конце концов читать далеко не все то, что передали».

Одним словом, журналисты ехали не на курорт.

Японские пограничники и таможенники встречают нас улыбками и раскатыстым «р». Леониды моментально превращаются в Реонидов, Львы перестают быть Львами и становятся Рвами, Александры переименовываются на три недели в Аресандров...

В Токио «Крокодил» доставляется лишь на два дня быстрее, чем на подмосковную станцию Сходня. У входа в советский корпус олимпийской деревни висит свежий номер с рисунком Ю. Федорова на обложке. Крокодил вручает олимпийцам вазу для медалей. Кто-то написал вдоль обложки от руки: «Чья медаль будет первой?»

На самое доннышко вазы аккуратно кладет свою золотую награду шахтер Алексей Вахонин.

...Первый олимпийский вечер, зал «Сибуйя». На сцене, как пишут начинающие спортивные очеркисты, штанга, «манящая своей холодной и строгой красотой». Если атлет не справляется с ней, цифры на электротабле, словно от стыда, покрываются красной краской.

...137 с половиной килограммов. На помост выходит Исиносеки, самый маленький японский штангист, самая первая японская надежда. И как только он подходит к штанге, в амфитеатре появляется какое-то чудовище — маска со свирепым оскалом, костюм шамана, деревянный меч. Чудовище выкрикивает древнее японское заклинание и исчезает. Исиносеки справляется со своей штангой, и не знаешь, кому больше хло-

пают — штангисту или его беззаветному помощнику.

Но еще громче хлопают Вахонину, когда он берет в толчке 142 с половиной килограмма, устанавливая олимпийский и мировой рекорды! На следующий день в олимпийскую деревню к советскому штангисту приходят три японца. Они изъясняются вежливо, как дипломаты. А на самом деле это шахтеры. Они знают, что Вахонин получил уже много приглашений. Но они хотели бы надеяться, что шахтер нанесет первый визит шахтерам. И в этот вечер Вахонин надолго исчезает из деревни...

...Зал «Будокан», олимпийские соревнования по дзю-до. В зале 16 тысяч зрителей. Каждый из них горячо болеет за своего Накатани. Горячо болеть — по-японски значит сидеть и молчать, в душе переживая все радости и горести. Аплодисменты слышатся лишь после встречи, когда все переживания позади.

Тренер Владлен Андреев дает мне киноаппарат и просит: — Сними самое интересное.

Пока не вышли борцы, я беззастенчиво снимаю двух японцев-журналистов, одинаково ловко действующих и вечным пером и вечными палочками, — они едят из деревянных тарелочек нехитрый ужин и успевают делать заметки. Я вдруг обнаруживаю, что аппарат в руке человека помогает ему избавиться от чувства ложной скромности, и целюсь в двух французов, школярски флиртующих с девушками в кимоно. Наконец выходят борцы, но аппарат отказывается жужжать. Почему это так мало пленки помещается в катушку?

— Ну как, получилось что-нибудь? — с надеждой спрашивает Андреев после соревнований.

— Разумеется, — с чувством собственного достоинства отвечаю я.

Хорошо, что эту пленку будут проявлять только в Москве. Мы с Андреевым живем в разных частях города, и там он мне не страшен.

Пока у Андреева другие заботы. Все четыре наших дзюдоиста — Олег Степанов, Арон Боголюбов, Парнаоз Чивиладзе и Анзор Кикнадзе — стали призерами Олимпиады, и им прислал официальное приглашение «погостить у него неделю» японский миллионер. Дзюдоисты получили массу других приглашений, они и так остаются на десять лишних дней в Токио.

...Национальный стадион. На сто-

ликах перед журналистами — миниатюрные телевизоры. Как только кончается забег, на телевизорах появляется замедленное изображение финиша. Но иногда кажется, что замедленное изображение появляется, когда наблюдаешь за нашими бегунами. Как ловко их обходят на финише соперники! Машинально переключаешь программу на телевизоре. Не помогает.

— Что происходит с вашими легкоатлетами? — с явным соблазнованием спрашивает американский журналист.

— Примерно то же, что с вашими тяжелоатлетами, — отвечаешь ему в тон.

Так можно сказать американцу. Но как ответить на этот вопрос самому себе? Куда ты, удалец прежняя, девалась? Куда девались вместе с ней очки и медали, что осталось от торжественных обещаний, оптимистических заверений и явно завышенных самоооценок?

У древних римлян, кажется, был добрый обычай: во время триумфа народ и войско распевали критические куплеты по адресу триумфатора, чтобы тот не слишком уж задавался. А что слышали в свой адрес наши легкоатлеты после не такого уж древнего римского триумфа? Славословия. А после чемпионата Европы? Оды. А после матчей с американцами? Мадригалы. Как-то несподручно сразу после этого переходить к прозаическим газетным статьям типа «Куда смотрели тренеры?». Ничего не поделаешь, придется.

Японцы обладают завидной способностью предусмотреть любую мелочь. В ваннах заботливо уведомление на двух языках: «Если идет горячая вода, надо отвернуть кран с холодной водой».

У входа в номера прессхауза плакатик: большоголовый смешной человек с искрами, летящими из глаз, предупреждает европейца о том, что в дверях низкие притолоки (в пятом часу ночи, когда тебя наконец вызывает Москва, забываешь посмотреть на плакат и просишь телефонистку дать разговор на три минуты позже, наивно рассчитывая прийти за это время в себя).

У входа на стадион контролеры вручают каждому из ста тысяч зрителей миниатюрные металлические пепельницы — на всякий случай, чтобы не было пожара.

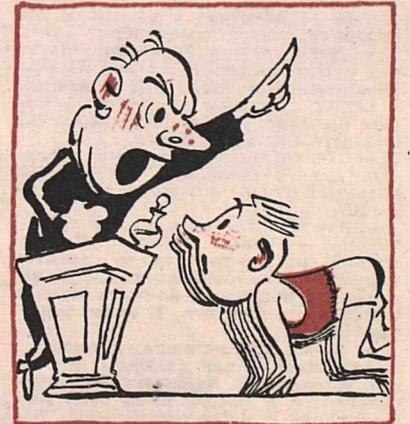
Но предусмотрительность организаторов Олимпиады проявля-

лась не только в этом. Еще до начала игр они попросили счетно-вычислительную машину «Джапан ремингтон-юнивак» назвать возможные результаты победителей в различных видах легкой атлетики. Машина выключила тридцать минут на размышление и, совершив за это время 5 миллионов операций, не дала ни одного верного прогноза.

Машина имеет право ошибаться. Но вот передо мной газета «Джапан таймс», вышедшая перед Олимпиадой. В ней названы имена пятнадцати будущих японских чемпионов. Газету можно поздравить: ее прогноз оказался почти идеальным — японцы взяли 16 золотых медалей. Интересно, как делаются такие прогнозы?

И все же с одним прогнозом японские газеты явно ошиблись. Солнце появлялось над Токио далеко не так часто, как предсказывали метеорологи. Но зато каким приветливым казалось оно! Олимпиада проводится в год спокойного солнца. Это значит: никакие вспышки, никакие протуберанцы не влияли на олимпийские результаты — все зависело от спортсмена, от его мастерства, его закалки. (Правда, некоторые тренеры считали, что многое зависит от количества собеседований; но потом оказалось: чем меньше читалось докучливых нотаций, тем лучше выступала команда.)

Под олимпийским солнцем шла жестокая спортивная борьба, которая служила не вражде, а дружбе. Мы победили в этой трудной борьбе, пусть не так ощутим

перевес, как мы думали, но все же он на нашей стороне! Но что значат самые почетные трофеи чемпионов по сравнению с тем, что выиграл в Токио главный герой Олимпиады — мир?

Год спокойного солнца, год Олимпиады... Много добрых совпадений в високосном шестьдесят четвертом!

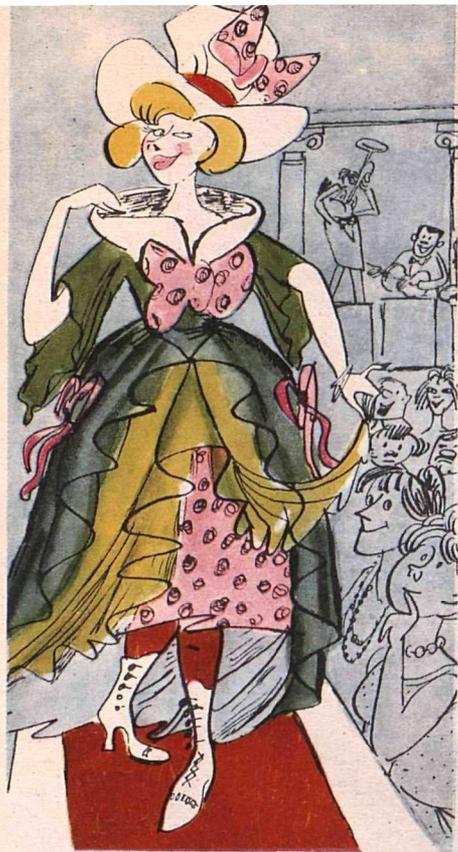
Студент Есио нарисовал большое солнце над стадионом и пламя в олимпийской чаше. Есио вышел с этим рисунком на улицы, чтобы собрать автографы. Был свободен только солнечный круг, а небо вокруг исписано десятками фамилий.

— Оставьте, пожалуйста, ваш автограф здесь, — просит студент. И добавляет на чистом русском:

— Как это у вас поют: «Пусть всегда будет солнце?»

А. КИКНАДЗЕ

Токио — Москва.

Манекенщица на работе...

и по дороге домой.

Рисунок Б. САВКОВА

На заре ты ее не буди...

Заведующий Дрогобычским гороно товарищ Вербивский внимательно выслушал посетителя и в порядке уточнения спросил:

— Значит, говорите, рабочий день на вашем заводе начинается в восемь часов утра?

— И на других предприятиях тоже, — подтвердил посетитель, умоляюще глядя на Вербивского.

— Так, так. Понимаю. А детский сад № 11 работает с девяти. И вы говорите, вам это неудобно?

— Чего уж тут удобного? Мы и так и сяк пробовали, а все не можем приноровиться, чтобы детенка в садик к девяти привести, а потом на работу к восьми попасть. Опаздываем, хоть лопни.

— Плохо! — сочувственно вздохнул тов. Вербивский. — Но я не возьму в толк, чем можно тут помочь?

— Как чем?! — воскликнул посетитель. — Очень просто! Нужно только изменить начало работы садика. Пусть открывается не в девять, а в восемь. А кончатся можно в половине шестого. И всем будет удобно.

— Да-а... Это, по-вашему, просто. А вот заведующая садиком Виктория Алексеевна не хочет. Что это, говорит, я в такую рань буду подыматься! И воспитательницы тоже не желают. Не хотят вставать на час раньше... И действительно, что хорошего, если они придут, не

выспавшись? Плохо ведь, правда?

Посетитель ушел несолоно хлебавши, а тов. Вербивский задумался. В самом деле, что выбрать: двум воспитательницам вставать на час раньше или десяткам рабочих приходиться на работу часом позже? И он выбрал. Утренний сон воспитательниц руководителю гороно оказался дорожке. Пусть себе спят. Пусть им на заре снятся сладкие сны.

Но родителей такое решение не устроило. Они долго судили-рядили, как быть. Может, таскать с собой ребят на производство, а в обеденный перерыв отводить в садик? Или, наоборот, водить их с утра в садик и оставлять у закрытых дверей — пусть, мол, ждут, когда придут и заберут их выспавшиеся воспитательницы?

Ничего не придумав, снова снарядили делегацию в гороно. Потом еще раз. И еще.

Говорят, капля долбит камень. Не выдержал тов. Вербивский такого нажима. Сдался. И теперь детский садик работает с... половиной девятого.

И вы думаете, родители детишек спасибо сказали? Они и теперь недовольны! Жалуются, что все-таки не попадают на работу к восьми часам. Такой уж народ напизный, никак им не угодишь...

Е. КРУКОВЕЦ

г. Дрогобыч.

АГАФОН И ТЕЛЕФОН

Агафон в начальство вышел,
Стал солидным Агафон,
Даже ростом как-то выше.
Он, а вроде и не он.
Не узнать: еще б — персону,
Не подступишься спроста.
Одолела Агафона
Деловая суэта.

Не смолкает Агафон,
Атакую телефон.

То и дело звяк да звяк,
То на базу, то в продмаг,
То в химчистку, то в гараж —
Голова кружится аж!
Этой надо туфли к лету,
Той — билеты в оперетту,

С третьей — просто посудачить
О футболе и о даче...

Ни секунды Агафон
Не бросает телефон.

Целый день: — Алло! Алло!..
Вдруг кого-то допекло,
Не стерпел, бедняга, звона,
Сел напротив Агафона,
Взял бумагу и вразгон
Крупно вывел: «ФЕЛЬБЕТОН».

Агафон вскричал: — Простите!
Подождите! Не пишете!..

С той поры у Агафона
В кабинете меньше звона.

В. АНДРЕЕВ

43661

Книжная палата
Контроль экземпляров
1964 г.

ОТКАМКИ РЕЛИКВИИ

«СОЛОС ПРОТИВ СОЛОСА»

Заметка под таким названием была напечатана в № 19. В ней говорилось, что директор Ивановского завода расточных станков Р. Солос не желает выполнять заказ на прессформы для кинешемского завода «Электротоконтракт». Это тем более прискорбно, что заказ Ивановскому заводу дал сам Солос в бытность свою начальником управления совнархоза.

Нами получено два письма. Одно из них подписано главным инженером и секретарем партбюро Ивановского завода. Выступление журнала признано правильным. Приняты меры к срочному изготовлению прессформ для «Электротоконтракта».

Второе письмо нам прислал Верхне-Волжский совнархоз. Председатель совнархоза тов. Алексеев, подтверждая, что факты, описанные в заметке, верны, сообщает:

«За непринятие необходимых мер по выполнению задания совета народного хозяйства на тов. Солос и других лиц, связанных с выполнением задания, наложены дисциплинарные взыскания».

Надо полагать, что в дальнейшем руководство Ивановского завода расточных станков будет выполнять ответственные задания без вмешательства Крокодила. Так-то оно будет лучше.

«ГДЕ ЗАЛАТАТЬ СВИТКУ!»

Оказалось, что не только залатать, но покрасить или хотя бы почистить свитку в городе Волчанске (не говоря уже о районе) и думать нечего. Да и те, кто вздумает починить элентрический утюг, неросинку или отремонтировать обувь, хлебнут горя. Со всей этой мелкой работой горбыткомбинату возиться неохота, план же он выполняет за счет заказов на фильтр-рукава и ремонт мешкотары. Обо всем этом рассказывалось в фельетоне «Где залатать свитку?» (№ 21).

Недостатки в обслуживании населения и увлечение более выгодными для комбината заказами были обсуждены Волчанским промышленно-производственным парткомом КП Украины.

Решением бюро парткома директор комбината Данышин снят с работы, и ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. К партийной ответственности привлечены также заместитель директора Резник и секретарь парторганизации комбината Корляков.

В настоящее время принимаются меры для улучшения обслуживания населения города и района. Внедряются передовые методы труда и новые виды культурно-бытовых услуг. В отдаленных селах открыты пункты по приему заказов на бытовое обслуживание. Облисполкомом выделены средства на окончание строительства двухэтажного здания быткомбината.

Сигналы услышаны

Группа учителей школы № 13 Кегейлинского района пожаловалась редакции, что их не обеспечивают коммунальными услугами.

Из Министерства просвещения Узбекской ССР, куда было направлено письмо, нам сообщили, что в ближайшее время вопрос о коммунальных услугах для учителей будет полностью решен.

*

Жители поселка Нахабино, Московской области, в течение многих лет бедствовали с водой: водопровод работал плохо, колодцев не было.

Редакция обратилась в Московский областной Совет депутатов трудящихся с просьбой принять меры.

И вот получен ответ: к концу 1964 года в поселке Нахабино будет введена в эксплуатацию водонапорная башня. Это позволит

обеспечить население поселка нормальным водоснабжением.

*

Рабочие Чернянского сахарного завода Белгородской области сетовали на отсутствие электрического освещения в поселке «Мирный». По просьбе «Крокодила» письмо рабочих рассмотрено Белгородским сахаротрестом.

В настоящее время поселок «Мирный» освещен.

*

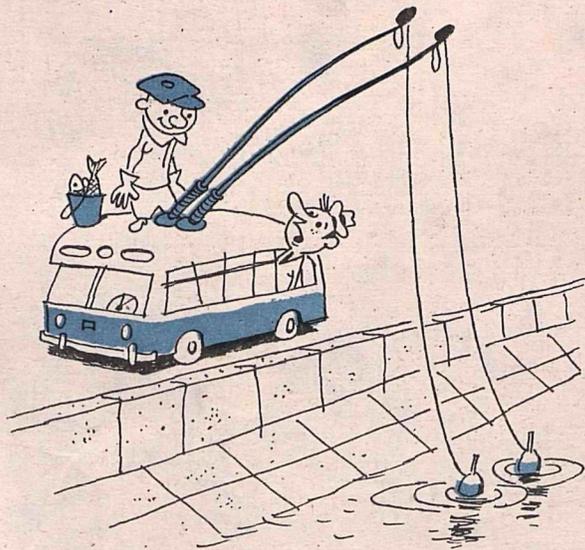
Колхозники деревни Изамбаево ходили за продуктами за три-четыре километра в другие населенные пункты. Не использовал райпотребсоюз помещение, выделенное для магазина. По просьбе «Крокодила» Чувашпотребсоюз обратил на это внимание.

Магазин в деревне Изамбаево открыт.

Секретарь дрессировщика.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Как назло, водитель — рыболлов попался!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

А ВЫ ГОВОРИТЕ...

— Ну, кто, скажите, настолько глуп,
Что будет из шляпы делать платок,
Вытачивать из молотка иглу,
А из иглы ковать молоток?..
Всяк скажет, кто в технике искусен:
— Никто не бывает так глуп и смешон!
Но
Был я недавно в одном НИИ.
Ну и...

Владимир ИЗМАЙЛОВ

г. Кемерово.

ЕЩЕ РАЗ О ПОДПИСКЕ

В редакцию Крокодила поступают письма от читателей с просьбой подписать их на наш журнал. Сообщаем, что редакция подписку не производит.

ПОДПИСКА НА КРОКОДИЛ ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Белье оставило у клиента прачечной неизгладимое впечатление.

Напившийся командированный — иногороднее тело.

Бескорыстная, платоническая любовь к деньгам.

Всю жизнь он только и делал, что выходил из положения.

Где стол был яств, там счет лежит.

В канцелярии: «Повысим делопроизводительность труда!»

В. АЛЕКСАНДРОВ

— Милиция!

Рисунок С. СПАССКОГО

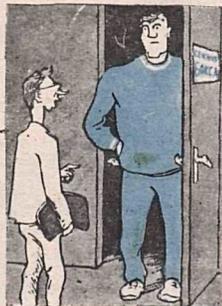
НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО..

Снорлупа, онурнов гряда...
Не узнать наш прежний двор!
Что случилось с ним,
Откуда
Появился этот сор?
Но соседка тетя Маня
Мне открыла тайну ту:
— Было здесь вчера собрание
По борьбе за чистоту!

Игорь МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

С М Е Х на общественных началах

Закончился очередной, третий по счету тур конкурса Крокодила «Смех на общественных началах». Снова деловито пыхтя, почтальон свалил на пол тяжелый мешок с конкурсными письмами.

Их много — писем, поступивших на конкурс. И в каждом письме явственно ощущается характер его автора. Вот большая группа читателей, которая подошла к своей задаче трезво и практически. Что изображено на рисунке? Вход в секцию бокса? Стало быть, и подпись, по их мнению, должна быть такой:

«Тонкий: «Здравствуйте, я ваш новый тренер.»

Толстый (озадаченно молчит).
Подпись такого рода дали ташкентцы Л. Антропова и Г. Атабенов, пенсионер Д. Клейменов из Саранска, омич Б. Коробец, ленинградец В. Тначенко, минчанин В. Шульмин, А. Азимов из Душанбе и многие другие. Г. Волошневич из Витебска сопровождает свою подпись таким комментарием: «Есть еще у нас «универсалы», которые берутся за любую работу, хотя ничего в ней не смыслят».

Щуплая фигурка «тонкого» на некоторых участников конкурса производит другое впечатление. Не сговариваясь, они в один голос определили его как... агента Госстраха, предлагающего боксерам застраховать свою жизнь. К таким принадлежат Л. Иннин из Алтайского края, А. Дунин из пос. Клетня, Брянской области, пенсионер А. Павловский из Крыма, студенты Кишиневского политехнического института тт. Печурица В. и Грабко Л., В. Курагин из г. Полярного, Мурманской области...
Девятиклассник Н. Николаев из Кронштад-

та иного мнения. Он считает, что под рисунок просится такая подпись:

— Скажите, где вам удалось добыть такой шикарный спортивный костюмчик?

Полностью совпали подписи ленинградца В. Маева и В. Иванова из Воронежской области:

— Вы желаете заниматься боксом?

— Конечно, нет!

— Так зачем же вы пришли?

— Я пришел сказать вам, чтобы вы на меня не рассчитывали.

А вот истинный вопль души. Его издал методист ДСО «Локомотив» тбилисец Р. Погосов. Его подпись такова:

«Представитель из области:

— Значит, дадите мне сведения по: а) количеству занимающихся, б) проценту занимающихся к числу работающих, в) числу разрядников, г) проценту спортсменов каждого разряда в отдельности к числу за-

нимающихся, д) проценту членов ДСО к числу разрядников и к числу работающих за последние 10 лет в целом и в разрезе каждого года... Вы что, с ума сошли? Караул! Убивают!!!»

«Пусть подпись и покажется вам скучноватой, — но она из подлинной жизни», — заканчивает свое письмо тов. Погосов.

Как и в предыдущие туры, немало читателей придумали к рисунку по десятку и несколько десятков подписей. Увы, как правило, количество пошло в ущерб качеству...

Между прочим, сам автор этого рисунка художник М. Соколов имел в виду такую подпись:

— А заниматься заочно у вас можно?

Крокодил сердечно благодарит всех участников конкурса и предлагает придумать подписи к такой карикатуре художника Ю. Узбякова:

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), А. Н. РЕМЕЗОВ, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86.

Издательство «Правда».

А 00499. Изд. № 1536. Подписано к печати 29/Х 1964 г. Формат бум. 70×108½. Тираж 2 050 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л. Заказ № 2959.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Геральдика

СОСТАВИТЕЛЬ
Ю. Фёдоров

КРОКОДИЛ

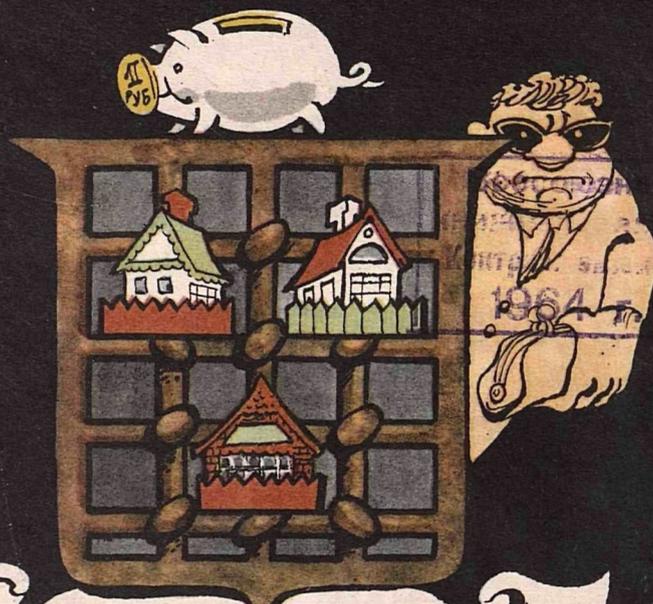

Герб Рыцаря с Дипломом
Молодой бычок, прикованный к ро-
дительскому замку

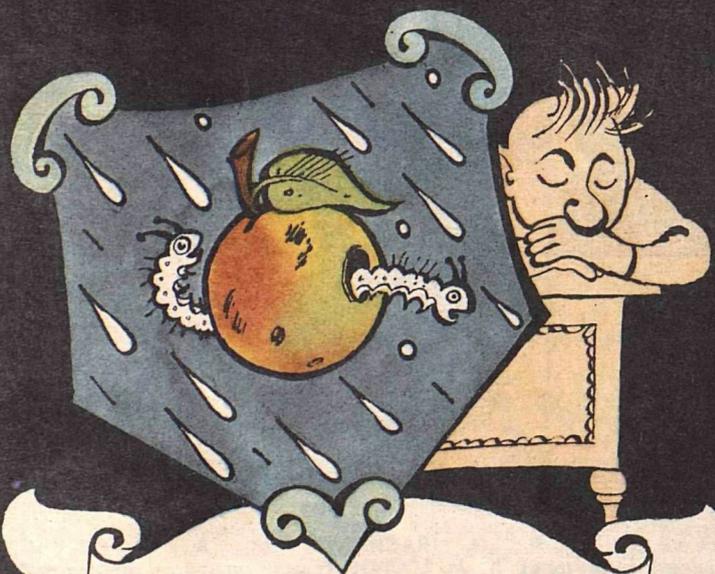
43661

Герб
Рыцаря Критической Дубины
Указательная палица, попирающая
Пегаса, на фиолетовом поле.

Герб
Рыцаря Загрешущей Руки
Три дачи на фоне тюремной решетки.

Герб Рыцаря Заготовок
Червленое яблоко на дождливом фоне.

Герб
Рыцаря, Лишенного Агротехзнаний
Серый ослик на запущенном поле.

Ю.Ф.